

ПАВЕЛ САНАЕВ

ХРОНИКИ

РАЗДОЛБАЯ

**ПОХОРОНИТЕ МЕНЯ
ЗА ПЛИНТУСОМ 2**

Похороните меня за плинтусом

Павел Санаев

Хроники Раздолбая

«Издательство АСТ»

2013

Санаев П.

Хроники Раздолбая / П. Санаев — «Издательство АСТ»,
2013 — (Похороните меня за плинтусом)

ISBN 978-5-17-077940-6

Перед вами – продолжение культовой повести Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом». Герой «Плинтуса» вырос, ему девятнадцать лет, и все называют его Раздолбаем. Раздираемый противоречивыми желаниями и стремлениями, то подверженный влиянию других, то отстаивающий свои убеждения, Раздолбай будет узнавать жизнь методом проб и ошибок. Проститутки и секс, свобода, безнаказанность и бунт – с одной стороны; одна-единственная любимая девушка, образованные друзья и вера в Бога – с другой. Наверное, самое притягательное в новом романе Павла Санаева – предельная искренность главного героя. Он поделится с нами теми мыслями и чувствами, в которых мы боимся сами себе признаться.

ISBN 978-5-17-077940-6

© Санаев П., 2013
© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	23
Глава четвертая	32
Глава пятая	39
Глава шестая	48
Глава седьмая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Павел Санаев

Хроники Раздолбая

Посвящается моей жене Алене

читателям "Литрес" — огромное спасибо,
что скачиваете книгу легально!

Санаев

13.06.2013г.

Глава первая

11 августа 1990 года Раздолбай проснулся чуть раньше обычного – в полвторого дня. Солнце за окном было жаркое и белое. Над асфальтом Ленинградского проспекта висел синеватый от грузовой гари воздух. Люди давно ходили по улицам, потели и устало вздыхали. А Раздолбай только открыл глаза. От долгого, тяжелого сна его чувства как будто затупили чем-то увесистым. Он полежал, понял, что заснуть больше не получится, и поплелся на кухню затачивать отупевшие чувства крепким кофе.

На следующий день Раздолбаю исполнялось девятнадцать. Родители, точнее мать и отчим, заранее сделали ему подарок и уехали на книжную ярмарку во Францию, чтобы утром бродить в золотистом парижском тумане, днем удивляться магазинам, а вечером представлять книги крупного советского издательства, директором которого отчим работал большую часть жизни. Трехкомнатная квартира на Ленинградке вторую неделю была в полном распоряжении Раздолбая, но радости от этого он не испытывал. Наливая кофе, он в который раз думал, что свободная квартира – это повод позвать друзей и девушек, пить шампанское, танцевать, обнимать девушек на диванах в полутемных комнатах... Как получилось, что к девятнадцати годам у него нет ни девушек, ни друзей?

Хотя Раздолбаю было без одного дня девятнадцать, выглядел он младше своих лет и был из тех субтильных юношей, в которых есть что-то птичье. Это птичье в себе Раздолбай ненавидел и панически боялся раздеваться на людях. На пляж он не ходил, в баню и бассейн тоже. В военкомат ему пойти пришлось. Там его раздели и выставили в коридор, полный мускулистых организмов. От смущения у Раздолбая пропал голос и, представ перед комиссией, он с трудом пробубльнул: «Призывник такой-то для прохождения медицинского освидетельствования прибыл». Военврачу это не понравилось. Он ткнул Раздолбая меж костлявых ребер заскорузлым пальцем и пообещал отправить в Афганистан.

– С Афганистаном опоздали уже, Михаил Трофимыч, выводят наш контингент, – напомнил краснолицый полковник, похожий на краба с этикетки дефицитных консервов.

– Значит, погранцом в Таджикистан отправится. Им нужны доходяги – собак кормить.

Полковник и военврач весело рассмеялись, а у «призывника такого-то» окончательно пропал голос. В Таджикистан, как, впрочем, и в армию, Раздолбая не отправили из-за бронхиальной астмы и хронического заболевания почек.

Родного отца Раздолбай не знал. По воспоминаниям матери, папа считался весельчаком, но семейная жизнь и рождение сына засушили его веселость на корню. То и дело он впадал в тоску и угрюмо молчал по несколько дней кряду.

– Тоска-а-а... – протянул как-то отец, глядя на ползающего в манежке Раздолбая и сидящую рядом с книжкой мать. – Вот же тоска беспросветная! Удавиться, что ли?

– Ну удавись, – ответила мать, не отрываясь от книжки.

Отец вышел из комнаты, снял на кухне бельевую веревку и, привязав ее к верхней петле входной двери, сноровисто смастерил удавку.

– Галь! – позвал он. – Поди сюда!

– Зачем?

– Ну поди, покажу чего.

Мать подошла. Отец накинул петлю на шею и, сказав: «Вот тебе!», повалился плашмя. Вережка лопнула, как струна, придушенный отец врезался подбородком в ящик для обуви и сломал себе челюсть. В больнице ему связали зубы проволокой, мать каждый день носила туда бульоны и протертые супы, а когда челюсть срослась, подала на развод. Отец не возражал и с тех пор не появлялся. Алименты, впрочем, он присылал исправно, и, сложив последние три перевода, мать даже купила Раздолбаю на шестнадцатилетие фотоаппарат «Зенит».

До пяти лет они жили вдвоем. Мама уходила на работу и оставляла его с нянечкой – безответной старушкой, которую Раздолбай бил по спине деревянной лопаткой и обстреливал из пластмассовой пушки разноцветными ядрами. Неприязнь объяснялась просто: путая причину и следствие, Раздолбай думал, что мама уходит потому, что с ним должна побыть эта скучная бабка. Недоразумение лишило бы старушку остатков здоровья, но мама объяснила, в чем дело, и в заключение добавила:

– Если я не буду ходить на работу, что мы будем жрать?

Слова «жрать» и «работа» слились было в сознании Раздолбая в одно целое, но тут появился дядя Володя. Он женился на маме, перевез их в свою трехкомнатную квартиру в районе метро «Динамо», а зарабатывал так много, что маме можно было ничего не делать и при этом жрать сколько угодно. Работать мама, однако, не бросила. Она была музыкальным педагогом, любила свое дело и на предложение сидеть дома с ребенком ответила отказом. На работу она, впрочем, ездила теперь на такси. Расходы на транспорт превышали ее зарплату, и дядя Володя со смехом говорил, что она единственный человек, который работает и еще за это приплачивает.

Мамина «однушка» в Химках, где Раздолбай провел первые пять лет жизни, осталась свободной. Дядя Володя предлагал смениться на четырехкомнатную, но мама сказала, что пусть, когда Раздолбай женится, ему будет где жить, и «однушку» стали время от времени сдавать. Называли ее «та квартира». Небольшими деньгами, которые «та квартира» приносила в семейный бюджет, мама очень дорожила. Она тяготилась зависимостью от мужа и ездила иногда на метро, чтобы сберечь выданную на такси пятерку, или ходила по комиссионным в поисках кофточки дешевле, чем в магазине. Сэкономив и отложив несколько рублей, она была счастлива, словно заработала, и лелеяла свою заначку, чтобы потом истратить ее на сына.

Первое время Раздолбай относился к дяде Володе как к постороннему, и ему даже не приходило в голову, что они с мамой живут в его доме. Но как-то мама и дядя Володя поссорились, и Раздолбай крикнул из своей комнаты:

– Мама, что бы там у вас ни было, я на твоей стороне!

Он хотел показать, что считает постороннего дядю заведомо неправым, и был уверен, что дядя, сознавая себя чужим, согласится с этим и от мамы отвяжется. У дяди оказалось другое мнение. В тот же вечер он провел с Раздолбаем воспитательную беседу, в которой объяснил, что безответственно брать чью-то сторону, не вникнув в суть конфликта; что конфликта к тому же нет, а есть проблемы, и решать их надо сообща, а не делиться на правых и виноватых, потому что теперь они – одна семья.

Беседа маленького Раздолбая не убедила. В его представлении, дядя Володя не понимал, что они с мамой заодно и главные, а он один и вообще ни при чем. Чтобы вразумить его, Раздолбай выбрал момент, когда отчим болел, и положил ему спящему под подушку заведенный будильник. Он ожидал, что дядя Володя покорно засмеется, признавая августейшее право шутить над собой подобным образом, но крепко получил по шее и побежал искать заступничества у мамы. От нее Раздолбай получил еще сильнее, и так стало ясно, что дядя Володя не посторонний и с этим нужно считаться.

Уважение дядя Володя завоевал позже, когда слова «жрать» и «работа» обрели в сознании подросткового Раздолбая неразрывную связь, и он понял, что только благодаря отчиму они с мамой живут в достатке и ни в чем не нуждаются. Впрочем, достаток не означал изобилие. Дядя Володя считал, что детей нельзя баловать, и покупал Раздолбаю вещи строго по необходимости – одни хорошие джинсы, одни выходные кроссовки, единственный парадный свитер. Магнитофон у него появился только в девятом классе, хотя многие ребята увлекались записями еще в седьмом. Главным меломаном класса считался усатый мальчик со странной фамилией Маряга. Он слушал неведомых Раздолбаю монстров рока на громоздкой аппаратуре с большими черными колонками, и Раздолбай всегда испытывал к нему почтительную зависть непосвящен-

ного. На первом уроке НВП их посадили за одну парту, и, рисуя на резиновой щеке учебного противогаза готические буквы AC/DC, усатый фэн тяжелого металла невзначай спросил:

– Ну, как тебе родители аппаратуру не купили еще?

– Нет, – отчего-то виновато ответил Раздолбай.

– Так ты потребуй!

Виноватый Раздолбай развел руками и издал смешок, который однозначно переводился как: «У них потребуешь...»

Требовать чего-либо у родителей Раздолбай никогда не решался, а если приходилось просить, всегда чувствовал, как потеют руки и сжимается от почтительности в голосе горло. Решай судьбу раздолбайских желаний податливая мама, редкие просьбы не сопровождалась бы таким волнением, но главным в доме был дядя Володя, а перед ним Раздолбай терялся и робел, как пигмей перед великаном. Он даже не смел называть своего отчима на «ты», хотя тот просил об этом, и, стесняясь в то же время официального «выканья», вовсе избегал прямых обращений и глаголов с предательскими окончаниями. Приглашая отчима к столу, он говорил «еда на столе» вместо «иди есть», а подзывая его к телефону, сообщал «там звонят», вместо «возьми трубку».

Сложнее всего было говорить о дяде Володе в третьем лице или окликать его. Называть приемного отца по имени-отчеству казалось чересчур официальным, по имени – панибратским, а добавлять слово «дядя» к имени человека, с которым живешь в одном доме, с каждым днем становилось все более неловко.

– Дяди по улице ходят! Сколько я вам «дядей» буду? – психанул однажды отчим, услышав, как мама и Раздолбай называют его между собой «дядя Володя».

– А как ему тебя называть? – спросила мама.

– По имени и на «ты».

– Хорошо, – согласился Раздолбай, но преодолеть барьер не смог. В тот же вечер приемный отец услышал у себя за спиной вежливое покашливание вместо оклика и обезличенную фразу: «Мама там блины с яблоками приготовила. Очень вкусные получились».

– И что? – с намеком спросил отчим, все еще не теряя надежды.

– На столе стоят.

Трудности в общении не мешали дяде Володе считать себя настоящим родителем, и всякий раз, когда Раздолбай поступал, по его мнению, некрасиво, он усаживал его перед собой и проводил воспитательную беседу. Он умел в двух словах показать неприглядную сторону любого поступка и делал это настолько спокойно и с юмором, что как бы ни хотелось Раздолбаю оправдать себя, в конце концов он всегда признавал неправоту и сам же над собой смеялся.

Больше всего дядя Володя стремился искоренить в Раздолбае эгоизм и собственно раздолбайство. Эгоизмом отчим считал хроническое неумение думать о других.

– Было шесть сосисок. Почему тебе четыре, маме две, а мне хер? – спрашивал он, не обнаружив в холодильнике ужина, на который рассчитывал.

– Я думал, директоров на работе кормят! – оправдывался Раздолбай, не забывая обходить коварные «ты-вы».

– Ты бы еще дверь на ночь запер, может, нас там и спать укладывают, – говорил дядя Володя, и Раздолбай, стыдливо хихикая, клялся следить отныне, чтобы еды в холодильнике оставалось ровно на троих. Клятвы, однако, не мешали ему съесть на следующий день банку соленых огурцов, припасенную мамой для новогоднего салата, или растащить блок мятной жвачки, купленный отчимом для борьбы с сигаретным змием.

Раздолбайство приемного сына беспокоило дядю Володю больше, чем его эгоизм. До восьмого класса он прилично учился, вовремя приходил с улицы, а в свободное время кропотливо клеил модели самолетов или печатал в ванной нащелканные «Зенитом» фотографии. К десятому классу он прочно утвердился на тройках, понятия не имел, что делать после школы, а вместо фотографий и самолетов увлекся тяжелым роком и гулянием до двенадцати ночи с

Марягой, ставшим лучшим другом после появления у Раздолбая двухкассетного магнитофона. Отчим забил тревогу. Чтобы подтянуть учебу, мама наняла репетитора, но тот оказался мягким человеком и быстро превратился в приятеля за пять рублей в час, который два раза в неделю болтал с Раздолбаем о жизни и делал за него уроки. Вскоре Раздолбай уже с трудом решал простейшие задачи, а его сознание все больше заволакивалось туманом от бездеятельности.

Раздолбай был не глуп, но совершенно безволен, и этим объяснялась произошедшая с ним перемена. До восьмого класса учеба давалась относительно легко, и способностей хватало, чтобы получать четверки, почти не занимаясь. Как только задачи усложнились и потребовалось напрягаться, у него словно сгорели предохранители. Везде, где требовалось усилие, умирало желание. Он хотел наверстать учебу, но вместо того чтобы заставить себя сосредоточенно думать, легче было перестать хотеть и с помощью репетитора тянуть на тройках. Он начинал отжиматься от пола, чтобы улучшить свою птичью фигуру, но начинание забывалось после первой же боли в мышцах. Даже к самолетам пропал интерес, когда Раздолбай узнал, что «гэдээровские» модели собирают «чайники», а настоящие коллекционеры покупают на толкучке «правильные» модели завода «Огонек» и делают из них шедевры миниатюризации, раскрашивая детали нитрокрасками с помощью аэрографа. Склеить «правильную модель» было последним сильным желанием Раздолбая. Он нашел толкучку в «Детском мире» и купил там коробку, с крышки которой дерзко скалился раскрашенный под акулу истребитель «Фантом». Внутри коробки оказались грубые, плохо стыкующиеся детали, и корпус самолета пришлось буквально лепить, заделывая щели размоченным в ацетоне пластиком. Обустройство покрасочного цеха на балконе квартиры стоило Раздолбаю джинсов. Подключая компрессор аэрографа к автомобильному аккумулятору, он залил обе штанины кислотой, и они развалились на ногах, как рубища на мертвецах в клипе Майкла Джексона «Триллер», отрывок из которого показывали в передаче «Международная панорама», иллюстрируя падение американских нравов. Первое же включение аэрографа положило делу конец. Неудачно подобранный растворитель краски развел пластмассу, и крылья «Фантома» словно оплавилась от выстрелов фантастического бластера. Делать «правильные» самолеты оказалось так же трудно, как наверстывать учебу, и последний волевой предохранитель выбило. Раздолбай купил новый «Фантом» взамен испорченного и спрятал его в ящик стола, чтобы собрать когда-нибудь позже.

Собственное безволие угнетало Раздолбая, и от тяжелых мыслей он уходил на улицу. Там забывалась горькая необходимость все время преодолевать что-то, и можно было весело сидеть со школьными приятелями на лавке, курить и ждать, не пройдет ли мимо одноклассница по кличке Цыпленок, к которой Раздолбай пылал безответной страстью. К двенадцати ночи он, отдохнув душой, заедал зубной пастой запах курева, отплевывался щиплющей язык жижей и шел домой, чтобы, подавляя зевоту, выслушать очередную воспитательную беседу отчима.

Дядя Володя переживал за приемного сына как за любимую команду, проигрывающую 2:1 в полуфинале. Он говорил, что Раздолбай находится в стадии продления детства и теряет стартовые позиции; что нельзя стать кем-то, никем не пытаясь стать; что поздние гулянки имеют дурное продолжение и что, не дай Бог, Раздолбай попробует выпить.

– Я позволю себе ударить тебя только в одном случае – если ты попробуешь спиртное, – заканчивал беседу дядя Володя и задумчиво добавлял: – Может быть, я даже сломаю тебе руку.

Несмотря на угрозы отчима, спиртное Раздолбай попробовал и по достоинству оценил. В середине десятого класса, когда родители уехали на три дня, он радостно откликнулся на предложение четырех одноклассников распить на квартире Маряги бутылку медицинского спирта. На закуску купили триста граммов любительской колбасы и две пачки пельменей. Спирт перелили в большую бутылку, разбавили водой и долили терпким самодельным вином из черноплодки. Пельмени дымились в большой миске, нарезанная кубиками колбаса громоздилась на блюде, а потеплевший спирт ждал первого тоста в чайных чашках с лиловыми розочками. Брать рюмки Маряга запретил по конспиративным соображениям.

– Рюмки пыльные, «черепа» в пять с работы придут, увидят – чистые, сразу поймут, что пили, – объяснил он.

Раздолбай был единственным в компании, кого не ждали дома, и его не сдерживал страх недостаточно заесть запах и быть пойманным. Он резво ушел в отрыв и очень скоро лежал в ванной на приготовленной к стирке куче белья, цитируя дневник блокадницы Тани Савичевой, запавший в память на давнем уроке истории.

– Лека умер... Дядя Вася умер... Дядя Леша умер... Мама...

Говорить «мама умерла» Раздолбай из суеверного страха не стал и переиначил дневник по-своему.

– Мама осталась жива! – крикнул он, попытавшись встать, но тут же повалился обратно, увлекая за собой таз с замоченными лифчиками.

– Пятый час, уводите его скорее! – суетился Маряга.

– Куда вести? Он идти не может!

– Хоть на лестницу!

На лестнице овеянный сквозняком Раздолбай осознал свою беспомощность и жалобно попросил:

– Чуваки... Вы только не бросайте меня.

В то время антиалкогольная кампания пошла на убыль и в отделение милиции уже не забирали за один только запах перегара, но Раздолбай был пьян настолько, что не стоял на ногах и ничего перед собой не видел. Двое приятелей нацепили на рукава красные повязки дежурных по столовой и, прикинувшись дружинниками, потащили его, безнадежно поникшего, окольными путями к дому.

– Вы меня не туда ведете, идиоты! – отчаянно кричал Раздолбай, не узнавая дороги и чувствуя, что полностью находится в чужой власти. – Вы все пьяные, я один трезвый! Вы меня сейчас заведете на окраину Москвы, нам там всем дадут пизды! Там лохи с кольями... Зачем вы нас к ним ведете? Ну хорошо... – заговорил он мстительным тоном восставшего, поняв, что его никто не слушает, – сейчас я словлю тачку! И посмотрим, кто быстрее у меня дома будет. Вот тачка!

Раздолбай ринулся навстречу медленно ехавшим «Жигулям», но приятели вовремя удержали его и спрятали в темной арке. «Жигули» были желтыми с синей полосой на дверях и мигалкой на крыше¹.

Стремительный бросок в арку стоил Раздолбаю потерянного в луже ботинка. Он ступил разутой ногой в снежную кашу, расплакался и от жалости к себе заговорил с уменьшительными суффиксами.

– Холодно... Наденьте мне ботиночек, я не могу пешком по снегу ходить... Я хочу в свой домик! Мой домик теплый! Где мой домик?

– Вот мост уже, – сказал «дружинник», тащивший Раздолбая под правую руку. – Сейчас до него дойдем, а там домик твой.

– Мост?! – гневно крикнул заведомо несогласный Раздолбай, простирая руку в пространство, в котором не видел ничего, кроме крутящегося хаоса. – Ха-ха! Если это – мост, то я – мудак!

С этими словами он указал именно на мост, тянувшийся впереди над путями железной дороги, и родил этим любимый афоризм их компании. С тех пор, когда кто-нибудь не понимал очевидных вещей, ему говорили: «Если это мост, то ты знаешь кто?»

Наутро Раздолбай пережил убийственное похмелье, но первая пьянка оставила у него самые приятные впечатления. Ему понравилось цитировать дневник Тани Савичевой, падать в ванну, не видеть моста, ничего этого не помнить и вспоминать потом с друзьями, как это

---

¹ Окраска милицейской машины 80-х.

было, смеясь и держась рукой за болевшую от спирта печень. Первый раз за долгое время он был счастлив. В скучной жизни, сплошь и насковозь состоявшей из постылой школьной рутины, появилось что-то новое. Пьянка озарила серые будни, и воспоминания о ней на несколько дней вытеснили грустные размышления о собственной никчемности, предстоящих выпускных экзаменах и необходимости решать, что делать после школы.

Выпускные экзамены Раздолбай не сдал бы даже на тройки. Физика, химия и математика стали неприступной твердыней, пробить которую не удавалось даже с помощью репетитора; по литературе он не прочел и половины произведений; исторические даты и события утекали из памяти, как вода сквозь крупное сито. Решив, что будет лучше, если сын сосредоточится на поступлении в институт, мама добыла справку, по свидетельству которой аллергику-астматику Раздолбаю запрещались в период весенне-летнего цветения любые нагрузки. Так бронхиальная астма второй раз сослужила ему добрую службу и избавила от экзаменов, как в свое время от армии. В аттестат попали оценки за последнее полугодие. Стройный ряд троек нарушали четверка по английскому языку и насмешливая пятерка по начальной военной подготовке.

Мама Раздолбая очень хотела, чтобы сын поступил в институт, правда, совершенно не представляя в какой. Но институт виделся ей обязательной, для мальчика из хорошей семьи, ступенью, без которой дальнейшая жизнь не сложится.

– «Поплавок» всегда надо за плечами иметь. Дорогу, что ли, в оранжевой жилетке чинить пойдешь? – говорила она. – По английскому у тебя четверка, мог бы языком кормиться, но в иняз не поступишь – у нас там с дядей Володей никакой руки нет. В МАИ ездить близко, но ты не технарь. Может, в историко-архивный? Или в Дружбы народов на филфак?

– Зачем ему филфак? Литературу преподавать с тройкой в аттестате будет? – вступил в разговор отчим. – Надо вперед думать – куда он после института работать пойдет. Ты-то сам чего хочешь?

Раздолбай молчал, как мелкая шпана на допросе – рад был бы заложить поделничков, но ничего про них толком не знал. О том, что когда-то придется работать, он до этой минуты не думал и думать не собирался. Работа была из области далекой «взрослой» жизни, а ему хотелось хоть куда-нибудь поступить, чтобы еще на пять лет продлить беззаботную пору ученичества, когда чувствуешь себя при деле, но всерьез ничего не делаешь. Одна досада – чтобы куда-нибудь поступить, нужно было хоть что-то выбрать, а Раздолбай даже не представлял, какие бывают институты.

– Господи, как же я его упустил! Что же я им не занимался совсем! – почти застонал отчим. – Что тебе нравится делать? Что ты лучше всего умеешь? Что у тебя получается?

– Не знаю... – сокрушенно вздохнул Раздолбай и, лишь бы от него отстали, выдал: – Рисовать.

– Рисовать? – изумились в один голос отчим и мама, давно забывшие об увлечении, которое он забросил еще в третьем классе.

– У меня получалось.

И Раздолбай отправился в свою комнату, чтобы извлечь из-под кровати старый фибровый чемодан, в котором хранились его детские рисунки.

Дружба с карандашами началась у Раздолбая в шесть лет, когда его положили в больницу с подозрением на аппендицит. Тогда он увидел в игровой комнате выставку детских рисунков на тему «Миру – мир!» и решил добавить к ним что-нибудь от себя. Картинку «наш ответ копеталистам» он нарисовал сразу после завтрака, а после обеда маму вызвала на разговор больничная воспитательница со звучным именем Владлена Мартыновна.

– Мне кажется, вам нужно серьезно заняться мировоззрением вашего мальчика, – сказала она и положила на стол рисунок с изображением «копеталиста» в цилиндре и длиннополом сюртуке, карманы которого оттопыривали связки ракет. Такие «копеталисты» часто встречались в газетных карикатурах, и в этом образе не было ничего крамольного. Но на рисунке Раз-

долбая над головой «копеталиста» висела на ниточке огромная атомная бомба, а к ней стремительно подлетал белый голубь с надписью «СССР» на крыльях. В клюве голубя были зажаты ножницы.

– Вы понимаете, что ваш ребенок изображает наше миролюбивое государство агрессором? – пояснила воспитательница, понизив голос до полупшепота. – Видите, какая здесь просматривается подоплека?

– Ему шесть лет, что он может смыслить в таких вещах! – испуганно запрочитала мама.

– Он, конечно, не смыслит. Но ваше дело сделать так, чтобы смыслил, а мое – обратить на это внимание. Думаю, мы друг друга поняли.

Владлена Мартыновна порвала рисунок крест-накрест и выбросила в урну, а мама неделю страдала бессонницей, прикидывая, напишут ли из больницы письмо парторгу ее музыкальной школы, или все обойдется, – обошлось. За «подоплекой» никто не обратил внимания, что для детского рисунка «наш ответ копеталистам» был на удивление хорош.

В следующий раз Раздолбай взялся за рисование в первом классе. Одноклассники играли на переменах в пластмассовых индейцев, а у него подобных игрушек не было. Чтобы не быть в компании лишним, он вооружился фломастерами и нарисовал в тетради сцену жестокого убийства одинокого ковбоя тремя команчами. Ковбой успевал подстрелить одного команчи из револьвера, но другие индейцы одновременно пронзали его грудь копьем и сносили голову томагавком.

– Ээкинско! – в один голос воскликнули друзья, и за одну перемену Раздолбай стал всеобщим кумиром.

Оказалось, что так рисовать в классе никто не умеет. В то время как художественных способностей сверстников хватало только на грубое изображение «аэровафли» в мужском туалете, Раздолбай с легкостью рисовал человеческие фигуры, лица и даже передавал мимику. «Аэровафлю», впрочем, он тоже нарисовал, и туалет на верхнем этаже посетила вся мужская часть школы, включая директора, который тут же распорядился закрасить искусство побелкой и провел суровое дознание во всех классах старше пятого. То, что грозный мужской орган, летящий на перепончатых крыльях сквозь тучи, так мастерски изобразил первоклассник, директору даже не пришло в голову.

Смекнув, что рисунки повышают его авторитет, Раздолбай стал выдавать что-нибудь новенькое почти каждый день. После индейцев и ковбоев он рисовал пиратов, потом роботов, потом гоночные автомобили и суперменов. В третьем классе он попробовал рисовать красками, и удивил уже не только друзей, но и классную руководительницу, которая предложила ему испытать силы в районном конкурсе. Считая, что в рисовании ему нет равных, Раздолбай снисходительно согласился, написал свою лучшую акварель и, заняв четвертое место, разревелся прямо на церемонии награждения. Напрасно его пытались подбодрить, объясняя, что первые три места заняли восьмиклассники, занимавшиеся в изостудии. Привыкнув, что его умение приносит моментальный успех, он был безутешен, после того как не попал даже в число призеров. Значит, он не лучший! Значит, восторженные похвалы друзья расточали только потому, что не видели никого способнее! Теперь они узнают, что есть кто-то лучше его, и чем он сможет перед ними гордиться?! С того дня он перестал рисовать, а друзья не могли взять в толк, почему душа компании и без пяти минут лидер класса стал вдруг тихоней и надолго ушел в тень.

Схоронив свое творчество в старом фибровом чемодане, Раздолбай не думал, что через семь лет эксгумирует его, пытаясь найти свое место в жизни. Он смахнул с чемодана пыль, щелкнул замками из помутневшей латуни, поднял крышку и понял, что подставился.

– Решаем серьезный вопрос – выбор института, профессии, а здесь... – досадовал он, перебирая рисунки. – Роботы с пулеметами, пираты с алебардами... Тьфу, детский сад! Только «аэровафли» не хватает!

Картинки, рассчитанные на восторг первоклассников, не могли впечатлить родителей настолько, чтобы они отнеслись к ним серьезно, – это было понятно. Но еще понятнее стало Раздолбаю, что ничего, кроме рисования, у него в жизни не получалось. Отступить было некуда. Он нашел на дне чемодана карандаш и точилку, перевернул один из рисунков и за десять минут набросал на чистой стороне листа портрет Александра Блока, гипсовый бюстик которого прижимал к буфету стопку коммунальных счетов. Еще через пять минут его будущее считалось решенным.

– Год будет заниматься с правильным репетитором и поступит в Суриковский институт, – твердо заявил дядя Володя, пораженный, что приемный сын оказался способным художником, а не конченным лоботрясом.

– Володенька, а потом-то что? Портреты на Арбате писать? – усомнилась в правильности решения мама.

– Потом пойдет ко мне в издательство. У хорошего художника при сдельном окладе до трехсот рублей в месяц выходит.

Триста рублей показались маме огромной зарплатой, и больше она не сомневалась. Жизнь Раздолбая снова стала определенной, но неожиданно одинокой. Друзья-одноклассники поступали в институты сразу после школы и были заняты; кто не поступил, как Маряга, отправились топтать кирзу. Раздолбай с огорчением обнаружил, что ему не с кем пойти гулять, не у кого добыть новую магнитофонную запись. От скуки у него появилась привычка спать допоздна, и он стал просыпаться далеко за полдень.

– Вставай! Смотри, что творится! – кричала ему мама, прикованная к утренним телерепортажам со Съезда народных депутатов.

Раздолбай мычал и закрывался от ее голоса одеялом. Мама влетала в комнату, трясла его за плечо и кричала:

– ... впервые прямой репортаж, как ты можешь не смотреть это?! Сахарова, гниды, захлопали, так им другие врезали! Ты что, не понимаешь, что страна меняется?! Ленивый нелюбопытный придурок! Спи! Всю жизнь проспичь!

И снова бежала к телевизору, чтобы через минуту истошно крикнуть:

– Вот так! Сломали целку съезду! Правильно – агрессивно-послушное большинство!

Раздолбай накрывался подушкой и продолжал спать. Ему было абсолютно неинтересно, кого там захлопали, кому врезали и какому большинству что сломали. Он стал спать до двух, а то и до трех часов дня, и мама больше не будила его. Два раза в неделю он занимался со старичком-профессором, и тот не только научил его всему, что требовалось для сдачи вступительных экзаменов, но и оказался потом председателем приемной комиссии. Он был очень правильным репетитором, этот старичок, и в девяностом году Раздолбай поступил в Суриковский институт, несмотря на конкурс двадцать человек на место.

11 августа 1990 года Раздолбай проснулся чуть раньше обычного, потому что подарком родителей ко дню рождения была путевка в юрмальский дом отдыха «Пумпури», куда вечером предстояло отправиться. Вообще-то он мечтал получить блок магнитофонных кассет и, услышав про путевку, даже поморщился.

– Что я там один делать буду? Без друзей, без компании?

– Чего ты морду кривишь, как от уксуса? – обиделась мама. – Найдешь компанию там. Дом отдыха композиторов – интеллигентные люди приедут, не урлы какие-нибудь.

– Я не люблю навязываться.

– Я тоже не люблю! Сто десять рублей путевочка – не нравится, сдам обратно.

– Ладно, поеду, – нехотя согласился Раздолбай, подумав, что в Москве у него друзей тоже нет и перемена места хоть как-то развлечет его.

– Сделаешь одолжение?

Пристыженный Раздолбай извинился, но все равно думал о предстоящей поездке как о ссылке. И вот пришел день в эту ссылку отправиться.

Одной чашки кофе редко хватало, чтобы прояснить раздолбайскую голову после долгого сна, и через несколько минут он обычно варил себе вторую. Помешивая ложечкой в турке, он с тоской представлял, как две с лишним недели будет ходить один по пляжу, на котором все равно не разденется, и смотреть на море, в котором не будет купаться. В один из дней он попробует познакомиться с компанией местных латышей, и они скажут ему:

– Ты, пар-ренок, отку-уда? Из Мас-сквы? На т-тебе звездюлей пач-чку!

И дадут ему звездюлей. Он вернется домой с подбитым глазом и скажет: «Нашел, мам, компанию – интеллигентные люди, не урлы. Были бы урлы – убили бы».

Раздолбай перелил кофе в чашку, сделал большой глоток и вдруг... ощутил себя взрослым. Это чувство возникло из ниоткуда, словно в эфире кто-то переключил канал, по которому транслировалась его жизнь. Только что его мысли и чувства были такими же, как десять школьных лет, и вот они отчетливо изменились, причем так резко, что он даже бросил невольный взгляд в чашку – не в кофе ли дело? Вся память прожитых лет в один миг показалась ненужным балластом. Страх перед двойкой и радость новому самолетику, смущение на призывной комиссии и воспитательные беседы отчима, школьная дружба и первая пьянка – всю эту рухлядь захотелось вышвырнуть вон из памяти, как плюшевые игрушки, с которыми он играл до шести лет и которых застенялся в семь. В одну секунду Раздолбай осознал, что его привычная жизнь закончилась, и именно сегодня начнется новая жизнь – неведомая и заманчивая. Он мог даже назвать точный момент, в который она начнется, – сегодня в 19:00, когда тронется поезд Москва – Рига.

Предстоящее путешествие перестало быть в тягость. В новом повзрослевшем сознании появлялись новые мысли, и Раздолбай подумал, что первый раз в жизни отправляется отдыхать на море один. Первый раз поедет один на поезде, первый раз будет самостоятельно жить в гостиничном номере. Никто не запретит ему купить бутылку пива и свободно хранить ее в холодильнике. Он сможет открыто оставлять на тумбочке сигаретную пачку. И кто знает, случаются ведь приятные сюрпризы, – вдруг ему доведется пережить романтическое приключение. Не цепляться же за остатки хлама из прошлой жизни – безмолвную любовь к Цыпленку, которая сводилась к пылким взглядам в затылок и паре тщетных попыток пригласить в кино.

До поезда оставалось пять часов. Это пустое время между двумя жизнями он скоротал, послушав три альбома «Айрон Мейден» и двойной концерт «Джудас Прист», потом побросал в сумку летний гардероб и вышел из дома раньше, чем требовалось. В прихожей ему попались на глаза старые стоптанные кроссовки – его школьная «сменка». Повинуясь неясному порыву, Раздолбай схватил их и с наслаждением выбросил в мусоропровод. Смысл порыва он понял, когда кроссовки зашелестели вниз в небытие: «Прощайте, старые кроссовки! Прощай, прежняя жизнь – изношенная и давно надоевшая!»

Глава вторая

Рижский вокзал обманул ожидания Раздолбая. Он приехал на полчаса раньше, представляя, как будет носиться по многочисленным переходам в поисках своей платформы, но вокзал оказался не похожим на столичный транспортный узел и скорее напоминал старинный купеческий особняк, к которому подвели пару ниток рельсов. Не было ни суматошной толпы, ни снующих носильщиков. Не ощущалось даже запахов угольного дыма и железнодорожной смазки, что всегда витают над большими вокзалами и манят в путь. Раздолбай прошел через полупустой зал ожидания и вышел на единственную платформу, где в скуке топтались десятка два будущих попутчиков. Поезд еще не подали. Двое мужчин с комичной разницей в росте вяло спорили возле урны, объединившей их общей целью – выбросить докуренные бычки.

– ...отдыха-айте, пока пускаем. Скоро будет полный суверените-ет, без визы не сможе-ете, – вяло цедил высокий, как семафор, латыш.

– Да кто вам разрешит визы эти? – кипятился мужичок лет пятидесяти, рост которого едва превышал стоявшую между ним и латышом урну.

– Кто в Праге разреша-ал? В Румынии? Са-ами взяли. Свои деньги сделаем, будем в Евро-опе.

– Да кому вы нужны там?!

– Все нас подде-ержат. В Юрмале будут отдыхать фи-инны, шве-еды.

– Финны у нас в тридцать девятом в Карелии отдыхали, а шведы под Полтавой! – взорвался мужичок и показал латышу фигу с таким чувством, словно судьба прибалтийского суверенитета была в его власти. – Вот тебе, видел?!

Отброшенный бычок рассыпался медными искрами, ударившись об край урны, и мужичок, подхватив чемодан, засеменял вдаль по платформе. Латыш даже не проводил его взглядом.

«А ведь точно, они отделяются вроде бы, – вспомнил Раздолбай. – Мама еще говорила: «Будь, сынок, осторожен. Назовут оккупантом – уходи, не связывайся». Смешные они! Кто им позволит визы какие-то?»

Он усмехнулся наивности латышей и вернулся в зал ожидания, чтобы развлечься какой-нибудь едой. В закутке вокзального кафетерия предлагали чай и бутерброды с потрескавшимся сыром. В ларьке кооперативного кафе были свежие бутерброды с рыбой и кофе – двадцать копеек растворимый, девяносто копеек «экспресс». В первый день взрослой жизни хотелось себя побаловать. Раздолбай взял «экспресс», напеченный в картонный стаканчик из грохочущей, как отбойный молоток, кофеварки, переместился к ларьку с газетами и тут же снова полез в карман за деньгами – пестрая обложка очередного номера «СПИД-Инфо» привлекла его, как блесна голодного судака.

Ничто не интересовало Раздолбая так сильно, как девушки. Нарисуй он диаграмму своих жизненных интересов, получился бы круг, из которого вырезали одну дольку. Эту дольку железной рукой подчинял себе хэви-метал, а остальной круг полностью занимали грезы о девушках.

В десять лет Раздолбай забрался под кровать в спальне мамы и дяди Володи, чтобы вытащить заползший туда электрический луноход, и нашел свернутый в рулон календарь.

– База, база, обнаружено послание инопланетян! – доложил он, представляя себя на месте пластмассового космонавта в луноходной кабине, и вытащил календарь на свет.

Послание инопланетян было таким мощным, что луноход забылся и чуть не пропал без вести. Со страниц большого настенного календаря улыбались девушки, голые тела которых чуть прикрывали полупрозрачные кружева. Раздолбай завороченно переворачивал глянцевые листы и не мог понять, что с ним творится. Его взгляд намертво прилип к обнаженным выпук-

лостям и округлостям, сердце колотилось, в груди стало горячо так, что спекалось дыхание, и все это почему-то было бесконечно приятно. Мама звякнула на кухне кастрюлей, и Раздолбай поспешно вернул календарь на место. Он понимал, что нашел нечто запретное, ему было очень стыдно, но ни о чем, кроме девушек в кружевах, он не мог больше думать. Они словно разбудили незнакомый до этого голод, утолить который можно было, только сожрав глазами все двенадцать календарных листов. Стоило Раздолбаю остаться дома одному, как он бросился в спальню, достал свою находку и вонзил в календарь жадный взор, как зубы в сочное яблоко.

Снова застучало сердце, нагоняя в груди жар. Незнакомый дурман ударил в голову, размывая окружающее пространство, но делая фотографии в календаре осязаемо-четкими и даже как будто выпуклыми. Раздолбай поедал эти фотографии взглядом, гладил пальцами самую соблазнительную девушку, похожую на певицу Мирей Матье, и удивлялся, что странный голод не отступает, а усиливается, как если бы он пил в жажду морскую воду. Ему хотелось большего – раствориться в этих страницах, впитать глазами не цветную бумагу, а живую обнаженную кожу... Кожа в распоряжении Раздолбая была только своя собственная. Он посмотрел на огромное зеркальное трюмо, стоявшее в углу спальни, и сердце его застучало дизелем: он придумал, что сейчас Мирей Матье появится там, в этом зеркале, – она будет петь, и с нее, как будто случайно, свалится концертное платье.

Конечно, десятилетний Раздолбай мало походил на звезду французской эстрады, но ведь и луноход на батареях тоже был далек от реального космического аппарата – фантазия добавляла все, что нужно. Раздолбай разделся догола, стянул с кровати простыню и завернулся в нее, заколов на плече маминой заколкой, чтобы получилось вечернее платье.

– Уне вид амур! Ун ви пур саме! – запел он и медленно двинулся к зеркалу, вздымая руки на манер эстрадной дивы. По его замыслу, Мирей Матье забывала, что в ее одеянии нельзя делать смелых движений, и должна была конфузливо уронить платье, представ перед ним волнуемо-обнаженной. С каждым шагом к зеркалу в висках Раздолбая все громче стучали молотки. Сознание улетало, взгляд затуманивался, и ему даже не приходилось напрягать фантазию, чтобы лицезреть в зеркале Мирей Матье, а не себя – он ее на самом деле видел.

– Унаррридарррья! – грассируя, заголосил он и взметнул руки над головой. Простыня скользнула вниз по плечам, ослепляя наготой, которую Раздолбай уже не воспринимал как свою собственную, и...

Дальше, по задумке, простыне полагалось красиво ниспасть, обнажая талию Мирей Матье и ее белоснежные ноги, но она вдруг зацепилась на уровне раздолбайского пояса и повисла на чем-то, как полотенце на вбитом в стену гвозде. Раздолбай опустил глаза, недоумевая, откуда там взялся гвоздь, а увидев, что это не гвоздь, удивился еще больше. Он мотнул бедрами, чтобы «платье» все-таки упало, и в ту же секунду его словно ударили по пояснице дубиной. Возбуждение, гудевшее высоковольтным проводом, взорвалось, как перезрелый бутон недотроги, перед глазами полыхнуло, а в следующий миг у него как будто выдернули позвоночник.

Охнув и перегнувшись пополам от резкой боли внизу живота, Раздолбай медленно опустился на колени и обнял угол кровати, чтобы не упасть. Не понимая, что случилось и почему его тело внезапно лишилось силы, он затрясся в панике.

– Наверное это от холода... – успокаивал он себя. – Я разделся и незаметно замерз... Сейчас я согреюсь, и это пройдет.

От страха у Раздолбая стучали зубы, и моментальную перемену настроения он тоже приписывал холоду. Иначе как было объяснить, что затея с Мирей Матье, только что сводившая его с ума, казалась теперь самым постыдным поступком в жизни, а девушки в календаре стали вдруг безразличны и даже противны.

– Не буду больше на них смотреть, – говорил он себе, запихивая календарь обратно под кровать. – Что я вообще нашел в этих дурацких картинках?

До ночи Раздолбай продолжал ощущать неприятную слабость и беспокоился, не сломалось ли что-нибудь у него внутри, но утром проснулся как ни в чем не бывало, и лишь остатки вчерашнего стыда портили ему настроение. К следующему вечеру забылся и стыд, а еще через день Раздолбай снова ощутил позывы теперь уже знакомого голода.

«Я только посмотрю. Не буду раздеваться, не замерзну, и ничего плохого не будет», – решил он, когда родители вновь оставили его одного.

Все повторилось и без раздевания: жар в груди, стук в висках, дурман и неожиданный взрыв, выдернувший силу из позвоночника и подкосивший ноги слабостью.

«Это не от холода! Это что-то другое! – снова трепетал от ужаса Раздолбай. – Не буду больше делать это! Больше не буду!»

Его опять терзал мучительный стыд. Что-то внутри подсказывало, что он поступает нехорошо и неприятные ощущения могут быть расплатой за дурной поступок. Ведь он рассматривал нечто такое, чему вообще не положено быть у них дома. Зачем такой календарь под кроватью родителей? Неужели дядя Володя тоже разглядывает его, а потом охает от боли и слабости? Смотреть на девушек в кружевах было вредно – Раздолбай понял это и поклялся никогда больше этого не делать. Но прошло два дня, и голодный зов снова заставил его достать «инопланетное послание» из-под кровати.

Календарь сделал его рабом удовольствия, за которое приходилось расплачиваться таким стыдом и страхом, что через пару недель он решил от него избавиться и открыть дяде Володе тайну своей находки, прикрывшись маской праведного возмущения.

– Я тут луноход пускал... – заговорил Раздолбай, оставшись с дядей Володицей наедине, – он заехал под кровать... Я полез... Там такое... Я вообще не понимаю, как такое у нас в доме оказаться могло!

– Что там «такое» нашлось?

– Я даже не знаю, как назвать это!

И Раздолбай достал из-под кровати календарь, нарочито держа его за уголок двумя пальцами, как вопиющую мерзость. Он весь дрожал, боясь, что дядя Володя станет страшно ругать его, но желание вырваться из рабства девушек в кружевах было сильнее страха. Дядя Володя отреагировал неожиданно:

– А я думал, куда он пропал! – радостно воскликнул отчим, выхватывая календарь из трясущихся рук Раздолбая. – Привез из Финляндии своему заму Хараборкину в подарок и найти не мог. Завтра ему отнесу.

Так календарь исчез из дома, и Раздолбай не горевал. Он быстро забыл разбуженный девушками в кружевах голодный зов, опять вернулся к игрушкам и лишь однажды, когда луноход снова заехал под родительскую постель, сочувственно подумал: «Я вот играю, а Хараборкин там, наверное, охает и гибается».

О том, что Хараборкин, возможно, не просто охает, а подвергается страшной опасности, Раздолбай узнал следующим летом, отдыхая в пионерском лагере «Орленок». Над их отрядом шефствовали старшие пионеры, и вечером у костра они поделились с подшефными большой тайной. Оказалось, что несколько слов, которые Раздолбай считал просто ругательствами, на деле обозначают конкретные части тела и одно действие. Действие это очень приятное, но делать его разрешается только взрослым в публичном доме, куда можно по-звонить, набрав телефонный номер, зашифрованный буквами ЕЖЕВИКА.

– А если я позвоню? – спросил Раздолбай, задыхаясь от масштаба тайны.

– Занято будет, – объяснили пионеры, – взрослые точно знают время, когда звонить. Да и что толку, если попадешь туда, – денег нет, делать это в нашем возрасте еще вредно. Некоторые не могут дождаться – становятся дрочерами.

– Кем?

– Ну, пялятся на какой-нибудь журнал или календарь с девками...

Раздолбай вздрогнул и отодвинулся подальше от огня, чтобы никто не заметил его испуганных глаз.

– ...потом дергают там, балдеют. Спина высыхает от этого, их сгибает потом. Горбатых видели? Были дроверами.

Раздолбая сковал ужас. Сначала он испугался за себя, потом подумал, что не успел стать дровером, потому что вовремя сдал календарь дяде Володе, и испугался за Хараборкина. Ему живо представилось, как сторбленный заместитель отчима придет к ним домой на чай, мама будет ахать и спрашивать, что с ним стряслось, а Раздолбаю придется отводить глаза, чтобы не выдать своих тайных знаний.

«И предупредить не получится – тоже стыдно... – подумал он и стал себя успокаивать. – Хараборкин взрослый, все знает про это. Повесил календарь на стену, а сам в «Ежевику» ходит. Не станет он дровером, обойдется!»

В тот вечер у костра неразрывную связку слов «жрать» и «работа» дополнили в сознании Раздолбая еще три связанных воедино понятия – стыд, страх и дровер. А через несколько лет стыд и страх стали для него постоянными спутниками.

Началось с того, что поздним зимним вечером Маряга позвал Раздолбая гулять на стадион «Динамо». Место для прогулки было выбрано странное, но еще удивительнее было поведение Маряги, который подходил к спортивным корпусам и зачем-то пристально изучал окна, замазанные белой краской. На недоуменные вопросы приятель отвечал многозначительными недомолвками и только возле огромного здания бассейна, найдя наконец то, что искал, открыл цель прогулки.

– Поход за сексом, не допер еще? – хохотнул он и показал царапину в замазанном окне женской раздевалки.

Раздолбай прильнул к царапине, увидел раздетых девушек, которые, не таясь, ходили на расстоянии вытянутой руки, и его прижатый к стеклу глаз стал впитывать их наготу с жадностью слона, опустившего хобот в прохладное озеро. Вдруг резкий свет фонаря ударил из темноты. Маряга с криком «Шубись!» умчался вдаль по сугробам, как испуганный страус, а разомлевший Раздолбай с перепугу полез на двухметровый забор, откуда его стянули за ноги два сопящих милиционера в жестких серых шинелях.

– Ну чего, отведем его в раздевалку, чтобы бабы ему там морду разбили? – предложил один.

– Да он только рад будет! – усмехнулся другой. – Ты на морду эту блудливую посмотри! У-у-у, рожа!

И милиционер сунул Раздолбаю под нос огромный красный кулак.

– Тогда в спецприемник оформим. Посидит до утра с беспризорниками.

– Не надо в спец... прием... ник... пожалуй... ста, – взмолился Раздолбай и, пытаясь отвести от себя постыдные подозрения, выдал алиби.

С его слов, тщательно записанных в протокол в опорном отделении милиции, выходило, что он зашел на стадион, чтобы записаться в бассейн. Незнакомый парень постарше предложил три рубля, если он постоит пять минут на шухере. Он согласился, и парень стал смотреть в какое-то окно, а он просто стоял рядом и глядел по сторонам. Нервно теребя помпон шерстяной шапочки, Раздолбай втирал свое алиби молодому милиционеру, который стаскивал его с забора, и пытался ощущать себя бывалым рецидивистом. А потом в кабинет зашел милиционер постарше с тремя звездочками на погонах. Он быстро прочитал протокол, глянул на Раздолбая добрыми глазами и уточнил:

– На шухере, значит, стоял?

– Ага.

– А чего он тебя на шухер поставил? Чего в окне-то смотрел?

– Не знаю.

– А ты сам не смотрел?

– Нет, конечно! На шухере стоял, говорю же.

– Так ты что ж, встал на шухер, не зная, что он высматривает?

– Ну да.

– Так это, милый, статья. В том окне касса. Парень – вор, деньги хотел украсть, а ты помогал.

– Да какая касса?! Там раздевалка женская! – завопил Раздолбай, оторвав от страха помпон на шапке.

– Ну вот, а говоришь, не смотрел, – по-отечески улыбнулся милиционер с тремя звездочками, порвал протокол и достал новый бланк. – Будем говорить, как было, или оформим как пособника грабежу? Помпончик-то подбери, Диллинджер.

Как рассказывал потом Раздолбай в классе: «Пока кололи простые менты – держался. Но потом пришел старший чин и выбил чистосердечное». Что было, то было – чистосердечное признание милиционер с тремя звездочками выбил по полной программе: с плачем и соплями, обещанием так больше не делать, указанием царапины на окне и слезной просьбой не говорить родителям. Только фамилию Маряги Раздолбай не назвал и до последнего стоял на том, что познакомился с неизвестным парнем возле бассейна.

Поздней ночью Раздолбая проводили домой и сдали маме на руки. «Чистосердечное» мама выбивать не умела, и Раздолбай с легкостью убедил ее, что всего лишь стоял на шухере, а в раздевалку подглядывал один Маряга – навредить ему мама не могла, а выглядеть придурком, которого любой незнакомец может поставить на шухер, Раздолбаю не хотелось. Мама посетовала, что «похотливый акселерат» мог втянуть ее чистого сына в грязь, но стыдить не стала. Раздолбай отправился в кровать и там, когда тревоги отступили, подсмотренные в раздевалке видения понесли его по волнам эйфории. Забывшийся на время голод проснулся вновь, и с такой силой, что противостоять ему было невозможно.

«Я только один раз... один раз не считается, – успокаивал себя Раздолбай. – Я перенервничал, имею право. Потом больно будет, но зато сейчас...» Больно в этот раз не было. Он заснул со звездочками счастья перед глазами, и даже лед стыда, на миг коснувшийся его сердца, сразу растаял от горячего восторга перед новыми ощущениями. Растаял он и во второй раз, случившийся через несколько дней. А в третий раз не растаял и сковал сердце ледяной печатью.

«Я стал дрочером! – с ужасом думал Раздолбай, понимая, что новое удовольствие подчиняет его себе и отказаться от него не получится. – Я – дрочер!»

С этого момента стыд, страх и голод преследовали его постоянно. Каждый раз, расплачиваясь за мимолетное наслаждение долгими угрызениями совести, он давал себе клятву прекратить постыдное занятие и некоторое время был уверен, что никогда больше к этому не вернется. Но проходили дни, и голод кусал его – сначала легонько, словно пробуя на вкус, потом сильнее, а потом набрасывался и терзал, как ротвейлер белку. Обернуть этот голод вспять был только один способ – тот, за который каждый раз приходилось платить стыдом и страхом.

Мучительная борьба усилилась, когда по телевизору стали показывать «Ритмическую гимнастику» в исполнении девушек, обтянутых цветными лосинами. Если раньше голод удавалось держать на расстоянии по несколько недель, то теперь каждую субботу Раздолбаю приходилось отбиваться от сокрушительного желания тайком включить в своей комнате маленький переносной «Шилялис» и, усилив голод стократно, утолить его стократным же блаженством в обмен на стократные переживания по поводу своего безволия, ущербности и возможного вреда для здоровья. Иногда удавалось отбиться, загодя унеся «Шилялис» на кухню, но в общем зачете голод убедительно одерживал верх.

Газета «СПИД-Инфо», первый номер которой вышел в год окончания Раздолбаем школы, стала освободительным манифестом, положившим этой борьбе конец. Большая статья, напечатанная на тонких страницах издания, не только развенчивала мифы о «постыдном

занятии», но и призывала заниматься этим чаще, чтобы «лучше познать себя и сделать первые шаги в пробуждении зрелой сексуальности». Раздолбай возликовал, словно его избавили от ига. Телевизор «Шилялис» стал включаться каждую субботу без угрызений совести, в тайнике за шкафом появилась потрепанная половинка журнала «Пентхаус», выменянная на две магнитофонные кассеты, а «СПИД-Инфо» стал любимым изданием, каждый номер которого радовал, как очередная «металлическая» запись.

«Зрелую сексуальность» Раздолбай пробуждал активно и с легким сердцем, и только невозможность узнать, как это делается на самом деле, все больше тяготила его. Он не раз влюблялся в летних лагерях, но эти чувства не вели его дальше того, чтобы накрыть плечи замерзшей девушки своей курткой или пригласить на танец. Одноклассница по прозвищу Цыпленок за два года его любовных страданий даже не согласилась пойти с ним в кино. Стыдно было признаться, но в свои девятнадцать лет Раздолбай ни разу не целовался. Он знал теорию из книги «Что надо знать до брака и в браке», которую дал ему почитать все тот же «похотливый акселерат» Маряга, но это было все равно что зачитываться правилами дорожного движения, не имея возможности сесть за руль.

Желание узнать «как это на самом деле» доводило иногда до крайностей. Незадолго до поездки в Юрмалу Раздолбай нагляделся на «Пентхаус» до того, что набил тряпьем свои тренировочные штаны и майку и соорудил дородное чучело с огромными грудями, на каждую из которых пошло по десять пар носков дяди Володи. Разгоряченная кровь била в голову, но все же не так сильно, чтобы отключить разум. Раздолбай смотрел на лежавшее перед ним «тело», думал, что оно похоже на вырубившуюся в беспмятстве уборщицу из их подъезда, и сам не верил, что будет сейчас это тело «любить». Но еще пара взглядов, брошенных на страницы «Пентхауса», решили дело – кровь вскипела, и недвижимое тряпичное тело было полюблено. Отстирывая потом свои тренировочные и возвращая в комод носки дяди Володи, Раздолбай даже удивлялся, насколько переплюнул в нелепости свою давнишнюю выходку с «Мирей Матье». Тогда ему было хотя бы десять лет, а теперь девятнадцать.

Вспомнив чучело из тряпья, Раздолбай в голос хохотнул посреди зала ожидания и закрылся развернутым «СПИД-Инфо» от обратившихся в его сторону взглядов. До отправления поезда оставалось двадцать минут, но состав до сих пор не подали. Он присел на свободную скамейку в углу и углубился в чтение статьи про технику пролонгации.

«Может пригодиться, – прикидывал он. – Вдруг там, в Юрмале, получится с кем-нибудь замутить. Везде пишут, что надо делать это долго, а я даже на чучеле из тряпок «отстрелялся» за несколько секунд. М-да... Техника сдавливания... Подумать о чем-нибудь постороннем, так-так...»

– Молодой человек, вы бы обложку такую свернули, дети здесь ходят. Да и вам самому осторожнее с такой газетой быть следует, – послышался вдруг мягкий мужской голос.

Раздолбай поднял взгляд и увидел перед собой тщедушного мужчину лет тридцати, одетого в длинную черную хламиду, поверх которой была наброшена какая-то черная застиранная жилетка. Длинные, с редкой проседью, волосы незнакомца были закручены на затылке в хвостик и прикрыты сверху круглой черной шапочкой. Лицо усеивали редкие волоски, тщетно пытавшиеся собраться в бороду. Голубые глаза смотрели по-доброму, но как-то странно.

«Чокнутый», – решил сперва Раздолбай, но тут увидел, что черная хламида перепоясана ремнем, на пряжке которого выбито изображение церковного креста, и понял, кто перед ним.

Существование попов, которые изредка встречались на улице или в метро, Раздолбай считал необъяснимым феноменом. «Сколько лет объясняют людям, что религия – это сказка, которой цари до революции одурманивали народ, чтобы держать его в повиновении, – думал он, – и надо же, до сих пор находятся чудики, которые продолжают всерьез разыгрывать этот спектакль. Да это как если бы Деда Морозы с новогодних утренников продолжали весь год

ходить в длинных красных шубах, кричать «хо-хо-хо!» и обещать подарки. И еще требовали бы считать себя настоящими Сантами!»

– Чем вам, милый человек, не нравится моя газета, – с подчеркнутой до издевки вежливостью поинтересовался Раздолбай. Тщедушный попик отчего-то вызвал в нем раздражение, и хотелось немножко поглумиться над ним.

– Первый раз вижу газету с таким срамом на всю обложку, – искренне удивился попик. – Это что ж, у нас теперь издают такое?

– Издают, вон в ларьке лежит. И почему «срамом»? Отличная девушка, по-моему. Не находите? – усмехнулся Раздолбай и нарочито сунул попику под нос обложку с грудастой блондинкой, между раздвинутых ног которой было написано «Разбуди первобытную похоть».

Попик отвел глаза и даже как будто вздрогнул.

– И что там пишут? – осторожно спросил он.

– Про секс пишут. С кем, как... куда... – Раздолбай усмехнулся снова. Ему нравилось, что попик смущается и кажется еще более дремучим девственником, чем он сам.

– Зачем же вы греховную газету читаете? Искушаете себя. Начитаетесь, будете об этом все время думать. Не о Боге, не о вечной жизни...

– Вы мне еще про чертей со сковородками расскажите! – раздраженно перебил Раздолбай, заметив через окно, что на платформу заползает желто-синий хвост железнодорожного состава. Пора было идти к своему вагону, но напоследок хотелось оставить за собой веское слово и пригвоздить попика за всех обманутых и угнетенных народных предков.

– А вообще... Советуете думать о вечной жизни? – уточнил Раздолбай, подхватывая сумку с пола.

– Хотя бы не забывать.

– Я читал тут про технику пролонгации – это чтобы дольше делать то, что вы искушением называете. Вот пишут... – Раздолбай ткнул пальцем в статью и зачитал вслух: – «...в момент приближения оргазма подумайте о чем-нибудь постороннем, что вас охладит». Можно, я о вечной жизни в этот момент подумаю?

Попик, казалось, потерял дар речи, а довольный собой Раздолбай сложил газету, демонстративно глянул на часы и, не оборачиваясь, зашагал к поезду. Он даже удивлялся, почему этот безобидный человечек вызвал в нем такую злость и желание унижить его. Да, этот тщедушный чернец был из тех, кто дурил народ в прошлом; да, он посягнул на любимую газету, но было что-то еще... чуть ли не личные счеты. И тут Раздолбай вспомнил факт, который совсем стерся из его памяти, – в далеком детстве мама и бабушка его крестили.

Вспомнилось, как он ползал по полу, собирая пластмассовые ядра для своей пушки, и мама вдруг взяла его на руки и очень серьезно сказала, что в воскресенье они поедут к бабушке в Подольск, и там его окрестят. Раздолбай обрадовался, решив, что его ждет внеочередной день рождения, но в Подольске мама привела его в церковь, где было страшно, как в замке злой колдуньи. В полумраке горели свечи, с картин в золоченых рамах сурово смотрели бородатые старики, сморщенные старухи кололи взглядами глубоко запавших глаз, а одна из них стала шикать и шипеть на маму за то, что та забыла надеть на голову платок. Раздолбай расплакался и взмолился, чтобы его скорее вывели из этого жуткого места. На крыльце церкви к ним подошла бабушка – мамина мама, которую Раздолбай видел редко и почти не знал. Бабушка сказала, что крещение – это большой секрет и не надо делать это при всех. Они отправились к ней домой, и вскоре туда явился сухенький седой старичок, похожий на доктора. Он точно как доктор открыл небольшой чемоданчик, но вместо белого халата достал оттуда какой-то расшитый золотом фартук. Бабушка и мама велели Раздолбаю во всем слушаться старичка, и тот произвел над ним малопонятные и малоприятные действия, похожие на медицинскую процедуру. Его ставили раздетым в таз, поливали водой, отрезали прядь волос, шептали какие-то слова, заставляли повторять что-то... Наконец старичок повесил ему на шею маленький крестик на

витой тесемке и покинул дом, запихнув свой золотистый фартук в чемодан и странно помахав на прощание сложенными в щепотку пальцами. Крестик Раздолбай сразу же попытался снять. Во-первых, на нем был череп, который неприятно напоминал о смерти; во-вторых, было ясно, что во дворе этот крестик сразу же засмеют. Но бабушка категорически потребовала оставить крестик на шее, объяснив, что теперь Раздолбай – раб Божий и Господь Бог с неба видит все его действия. Тут Раздолбай всерьез испугался и снова стал плакать. Получалось, что его заманили, сделали без его ведома рабом, и теперь какой-то старик сверху будет постоянно следить за ним?

Шагая к своему вагону, Раздолбай вспоминал, как плакал тогда и кричал: «Я не раб! Не раб!», а бабушка с мамой ругались и о чем-то спорили. Вот за что ему хотелось отомстить попику! За тот детский страх. Пусть мама на следующий день разрешила снять крестик, и он даже забыл, куда подевал его; пусть в школе он узнал, что все это суеверия, и красноармейцы проливали кровь, свергая царя и белогвардейцев, чтобы все жили свободными, не верили попам и не чувствовали себя рабами, но тогда он здорово натерпелся.

«Надо было сильнее обломать этого чудика! – размахивал он воображаемыми кулаками. – Надо было сказать: “Можно я перед приближением оргазма представлю вас в этой черной шапочке?”»

Желая придумать что-нибудь еще более остроумное, Раздолбай специально раскручивал в себе злость, но веселые желтые вагоны рижского поезда напоминали, что впереди приключения новой взрослой жизни, и злость глохла, как плохой мотор в стужу. Детские обиды и страхи не хотелось тащить с собой, их нужно было вышвырнуть следом за стоптанными кроссовками. Раздолбай представил, что нажимает где-то в голове маленькую черную кнопку – такую же, как обнуляла счетчик на его двухкассетнике. Прием сработал. На его лице сама собой расцвела радостная улыбка, а когда поезд тронулся, счетчик жизни отсчитывал уже новые цифры.

Глава третья

«Что бы мне сейчас хотелось?» – спросил себя Раздолбай, решив, что с момента отправления поезда приключение началось и пора получать удовольствия.

«Сигарету и пиво», – тут же нашелся ответ.

Затянуться после нескольких глотков пива ароматным дымом фирменной сигареты считалось у Раздолбая одним из высших наслаждений, но он сомневался, стоит ли предаваться ему в первые же минуты поездки, и стал вспоминать другие радости. На ум ничего не шло. Магнитофона с собой не было, «пробуждать зрелую сексуальность» в поезде казалось неудобным, а другие удовольствия были Раздолбаю неведомы. Признав, что выбора нет, он достал из чемодана пачку «Мальборо», ловко утянутую из портфеля дяди Володи незадолго до поездки, прихватил «СПИД-Инфо» и двинулся в вагон-ресторан.

«Учитель, ты велел нам грузить лед, и мы работали до полудня, но один ящик открылся, и среди льда мы увидели белый порошок. Не наркотики ли это?» – бубнил переводчик, вторя персонажу китайского боевика, который показывали в вагоне-ресторане на подвешенном к потолку «Рубине».

«Да, это наркотики, – продолжал бубнить переводчик теперь уже за учителя. – Вы же понимаете, что, продавая лед, не заработаешь на безбедную старость. Держите язык за зубами, и я хорошо заплачу вам».

За первым столиком в ресторане сидели двое парней чуть старше Раздолбая.

– Учитель – дикий король! – прокомментировал один из них. – Открыто толкает наркоту ящиками.

– Да уж, не то что мы с тобой, – подхватил приятель. – Я представляю, как менты повязали бы нас в ГУМе с твоими джинсами, а ты говорил бы им: «Да, это «Левис». Вы же понимаете, что на стипендию не поедешь в Юрмалу».

Приятели захохотали так, словно в этой шутке скрывался понятный им одним и очень остроумный смысл.

«Веселые ребята», – подумал Раздолбай, усаживаясь через два стола от них.

Учитель и ученики в фильме обменялись еще несколькими репликами, после чего началась такая драка, что экран старого «Рубина» не выдержал и замельтешил зелеными полосами. Шутники отпустили по этому поводу еще пару комментариев, из которых до Раздолбая долетели слова «...король в диком просере», и снова засмеялись на весь вагон. Раздолбай позабывал им. Ему тоже хотелось бы сейчас шутить на пару с каким-нибудь своим другом, но сигареты и «Курземское» пиво, которое принес официант, были его единственными компаньонами. Бросив на веселых приятелей еще один взгляд, он заметил, что те косятся в его сторону. Отгораживаться сосредоточенным изучением сигаретной пачки у него получалось до тех пор, пока к взглядам не добавилось перешептывание.

«Может со мной что-нибудь не так?» – насторожился Раздолбай.

Из-за стола пересмешников снова раздался взрыв хохота, после чего один из парней поднялся и направился напрямиком к Раздолбаю.

– Любезный, позвольте нарушить на секунду ваше уединение и задать вопрос? – витиевато заговорил он, усаживаясь напротив.

– Допустим... – уклончиво ответил Раздолбай, быстро оценивая весельчаков и пытаясь понять, чего от них можно ждать. Оба выглядели старше года на два. Тот, что подсел к нему, угрозы не представлял. Он был полноват, а его бледное добродушное лицо казалось бы изнеженным, если бы не массивная нижняя челюсть. Такая челюсть подошла бы фашистскому агрессору с плаката сороковых годов, но никак не мягкотелому парню, который скорее всего не дрался даже в детском саду за лопатку. Его приятель, оставшийся за столом, казался опаснее.

Сразу было видно, что он крепыш и способен размолотить в пададь кого угодно. На грубоватом веснушчатом лице крепыша выделялись очень светлые глаза с черными зрачками-иголками, и эти иголки насмешливо покалывали Раздолбая издали. Решив, что над ним хотят подшутить, он насторожился и приготовился искать в каждом услышанном слове двойной-тройной смысл, но незваный собеседник спросил прямо, хоть и замысловато:

– Будет ли вам интересно отложить чтение своей номенклатурной газеты и расписать с нами на троих партию в «кинга»?

Перспектива стать добычей поездных катал показалась Раздолбаю такой абсурдной, что он даже не удивился странному слову, которым называли его «СПИД-Инфо». Он уже открыл рот, чтобы отказаться, но собеседник словно прочитал его мысли.

– Я понимаю, что предложение сыграть в поезде в карты выглядит дешевой разводкой, но мы не предлагаем играть на деньги или на что-то еще. Просто дико хочется перекинуться в «кинга», нужен третий партнер, а проводница нам компании не составит.

– Соседям в купе предложите.

– Мы едем в «СВ». Я дико извиняюсь за навязчивость, но еще раз уверяю – на деньги мы играть не будем и никакой опасности нет. Или вам интереснее смотреть кино про учителя, которого дико отоварили собственные ученики?

– Мне? Нет... Почему на «вы»?

– Наследственная вежливость в общении с незнакомыми людьми. Прадед по матери был графом. Как только познакомимся, будем совершенно дико на «ты». Меня зовут Мартин.

– Лютер Кинг?

– Я думаю, ты – стотысячный человек, который так шутит. Первым был мой отец, когда ему показали метрику. Самое смешное – мама даже ни фиги не знала, кто такой Лютер Кинг. Просто услышала такое имя, и был март. Продолжить историю моего детства или все-таки дико в «кинга»?

– В «кинга», – немедленно согласился Раздолбай. Он уже понял, что ему ничего не грозит, и радовался возможности провести вечер в новой компании.

Мартин поднялся из-за стола и кивнул своему товарищу-крепышу.

– Боец согласен? – оживился тот. – Пусть берет свое пивчанское – у нас в купе дососет.

– Друг никак не отвыкнет от казарменных манер, извиняюсь за его солдафонскую лексику, – предупредительно сказал Мартин, а крепыш протянул Раздолбаю руку и представился:

– Валера.

Когда роспись «кинга» пошла на пятый круг, Раздолбай знал о своих новых приятелях все, что можно выведать ненавязчивыми вопросами. Валера и Мартин действительно были на два года старше и дружили со школы. Когда они называли институты, в которых учились, Раздолбаю показалось, что голос у него вот-вот сорвется на писк от чувства собственного ничтожества – Мартин закончил третий курс МГИМО, а Валера первый курс иняза, отслужив перед этим танкистом в Германии. Оба института воплощали недостижимость, и студентов, которые там учились, в кругу Раздолбая считали кем-то вроде рок-звезд – известно было, что они есть в природе, но лично их никто никогда не встречал.

– Сложно туда, говорят, поступить... – проямлил уважительно Раздолбай.

– В танкисты? – усмехнулся Валера, в манере которого было оборачивать слова собеседника в шутку при любой возможности.

– В иняз.

– Блат, дикий блат, – подтвердил Мартин.

– Про блат молчи лучше. А то пока одни защищали дальние рубежи Родины... – Валера замялся, придумывая шутку поостроумнее, но Мартин подхватил и закончил вместо него:

– ...другие пользовалась дикими привилегиями, но регулярно присылали «одним» номенклатурный коньяк.

Слово «номенклатурный» Мартин вставлял в речь так же часто, как слова «дикий», «дико» или «совершенно дико», и Раздолбай решил наконец выяснить, что это значит.

– Слушай, я так давно живу с этим словом, что перестал задумываться о смысле, который в него вкладываю, – ответил новый друг. – Прилипло оно давно, когда мы отдыхали в одном хорошем пансионате. Пансионат был номенклатурный, мы номенклатурно там отдыхали, и все хорошее с тех пор стало называться «номенклатурным». Как-то так.

– Я бы все понял, если бы ты еще объяснил, что такое «номенклатурный пансионат».

– Пансионат для «номенкля» – кажется, от ВЦСПС или УПДК. Сейчас мы едем в еще более номенклатурный совминовский дом. Придешь к нам в гости, почувствуешь себя «номенклой» – все поймешь.

Чтобы не выглядеть дураком, Раздолбай не стал больше ничего уточнять, хотя смысл объяснения ускользнул от него, как если бы Мартин говорил по-английски, употребляя много незнакомых слов.

Снова раздали карты. Посмотрев прикуп, Мартин заказал не брать «кинга», с третьего хода умудрился сам же его забрать и обиженно изрек:

– Вы – дикие короли. Впарили номенклатурного «кинга» мне, я теперь нахожусь в совершенно диком просере.

– Старичок, карты – как жизнь, такая тебе выпала фишка, – пустился в рассуждения довольный Валера. – Вот я в армии играл ночью в подсобке в карты,пил с бойцами присланный тобой коньячок. Прапор застукал, сказал, что завтра все пойдут на говно. Идти в свинарник и грести большой лопатой свиное говно – не лучшее занятие для мирового интеллекта, но я решил, что раз жизнь бросает мне такую фишку – пойду на говно, как стоик. Но утром в часть приехал помощник прокурора, спросил, кто хорошо знает немецкий язык. В итоге я поехал на «мерседесе» в чистый дом переводить документы, а все остальные пошли на говно. Будь готов принять плохую фишку стоически, тогда рано или поздно выпадет хорошая.

– Мудовая рабская психология фатализма, – отрезал Мартин. – Фишка должна всегда быть такая, какую хочешь.

– А-а, так ты хотел «кинга» забрать?

Валера и Раздолбай засмеялись, а Мартин вдруг не на шутку завелся.

– Я играю, чтобы расслабиться, поэтому не контролирую игру так, как свою жизнь. Если хочешь, чтобы я относился к этому серьезнее, то я могу.

– Ладно, боец, не заводись. Кто сдает?

Сдавать была очередь Раздолбая. Раскидав карты на троих, он отложил две штуки на середину стола в прикуп.

– Чаю попроси, пожалуйста, – попросил Мартин Валеру, которому предстояло заказывать игру.

Валера выглянул в коридор, чтобы позвать проводницу, и в эту секунду Мартин быстро подсмотрел и прикуп, и его карты.

– Ты чего? – удивился Раздолбай.

– Тихо.

Валера вернулся за стол. Мартин сохранял полную невозмутимость. Раздолбаю не хотелось выдавать Мартина и, возможно, ссорить приятелей, но еще больше не хотелось нечестно играть.

– Давайте пересдадим, – сказал он, – я сдал неровно.

– Ровно, ровно – у всех по десять.

– Пересдадим!

Раздолбай бросил свои карты на стол и смешал их с прикупом.

– Что за дешевое чистоплюйство? – разозлился Мартин.

– Карты подсмотрел, что ли? – догадался Валера.

– Да. Хотел тебе показать, как играть, если карты – жизнь. А ты... – Мартин обратился к Раздолбаю, – объясни, что тебе лично мешало молчать. Ты что – дико правильный король?

– Просто не хотел нечестно.

– Ты за честность всегда?

Раздолбай задумался. Мартин не раздувал ссору, а как будто хотел выяснить его позицию, чтобы завести мудреный разговор «за жизнь». Мудреные разговоры «за жизнь» Раздолбай любил, поэтому решил отвечать серьезно.

– В детстве врал иногда, конечно. В милиции, например, когда в женскую раздевалку подсматривал и меня поймали. А так – за честность всегда.

– То есть ты считаешь, что сейчас поступил честно, и всегда сделал бы точно так же? И сам бы в чужие карты никогда не взглянул?

– Не взглянул бы.

– Хорошо, а если бы мы играли на деньги и ты проигрывал?

– Все равно.

– А если бы деньги нужны были на операцию твоей маме, которая без нее умерла бы?

– Мартин, зачем такое предполагать?

– Я просто спрашиваю – ответь. Представь, что мы играем на большие деньги, которые нужны тебе, чтобы спасти мать. Другой возможности их достать у тебя нет. Ты проигрываешь и случайно получаешь возможность незаметно подсмотреть карты. Ты этого не сделаешь?

Раздолбай опешил. Мягкотелый Мартин превратился вдруг в сгусток энергии и обрушился на него с таким натиском, что уйти от неудобных вопросов было невозможно, а соврать, чтобы выглядеть в лучшем свете, значило перечеркнуть собственное утверждение, что всегда надо быть честным.

– Ради мамы подсмотрел бы, наверное, – нехотя признался Раздолбай.

– Значит, в иной ситуации ты готов сам поступить нечестно, но сейчас мешаешь поступать так мне и считаешь себя при этом дико порядочным. Что это, как не дешевое чистоплюйство?

– Но ты же не на деньги для мамы играешь! – почти взмолился растерянный Раздолбай.

– Ладно, что ты на него насел? – примирительно сказал Валера. – Пересдавай.

– Не надо пересдавать. Ты затронул жизненную философию и дико обломал мне расслабленную игру. Если наша игра – это жизнь, проигравшим вы меня не увидите.

Мартин взял листок с записанными очками и разорвал его на четыре части.

– Утверждать, что я в просере, вы не можете, так как теоретически я мог бы еще отыгаться. Но закончим про чистоплюйство. Если в одной ситуации ты поступаешь честно, а в другой – готов честность преступить, не будет ли самым честным признать это перед собой, не корчить из себя порядочного и всегда поступать, как выгодно? Скажи мне.

Мартин снова обращался к Раздолбаю, который пребывал в полной растерянности. Он привык к простым понятиям, что есть хорошо, а что плохо, и никогда не сталкивался с такой казуистикой. Он знал, например, что его отчим дядя Володя – порядочный человек. Когда он продавал свою «шестерку», восстановленную после аварии, то честно говорил покупателям, что в ней было разбито, и в итоге продал машину дешевле, чем было возможно. Но это были не последние деньги, и лишних пятьсот рублей ничего не меняли в их жизни. А если бы меняли? Если бы от этих денег зависела жизнь мамы? Стал бы дядя Володя говорить правду тогда? Мартин замкнул в сознании Раздолбая какие-то цепочки, и привычные ориентиры обрушились. Он отчетливо понял, что если бы жизнь мамы зависела от полученных за машину денег, то дядя Володя скорее всего стал бы врать. А если бы не стал, то Раздолбай заявил бы ему, что принципы для него дороже маминой жизни, и смертельно с ним поссорился. Получалось,

порядочность условна, а раз так – выходило, что Мартин прав, и честнее всего признаться себе в этом сразу. Какой смысл держаться за принципы, если знаешь, что в определенных обстоятельствах нарушишь их все равно?

– Допустим, я с тобой соглашусь... – заговорил Раздолбай, со страхом чувствуя, что вот-вот откроет тайну, которая испортит его мнение о себе самом и об окружающих людях. – Представь, что я оставил на вешалке пиджак, в котором лежат пять тысяч. Мы с Валерой на минуту вышли. Ты возьмешь деньги?

– Не возьму пять, не возьму десять, не возьму сто, потому что у меня нет в них нужды и они ничего не изменят в моей жизни, – ответил Мартин. – Но если бы на вокзале в Риге я должен был отдать пять тысяч, которых у меня нет, или иначе меня убьют уголовники, то я взял бы их из твоего пиджака. Станешь уверять меня, что ты бы не взял и выбрал смерть?

– Не знаю... Я бы у кого-то занял...

– Представь, что ты и так занял, продал все, что было, и собрал пять тысяч. Ты везешь их в Ригу, чтобы отдать бандитам, которые убьют тебя, если ты им не привезешь. По дороге на вокзал тебя обокрали в метро, и ты заметил это только в вагоне. Теперь украсть самому – твой единственный шанс. Пять тысяч торчат из моего пиджака. Утром без денег – смерть. Ты возьмешь?

– Наверное, возьму, но постараюсь потом как-то вернуть... – юлил Раздолбай, из последних сил цепляясь за остатки принципов.

– Потом вернуть будет дико поздно. Представь, что эти деньги я вез маме на операцию, о чем рассказал тебе за чаем. Ты точно знаешь, что без них она умрет, но если ты не украдешь их – тебя самого убьют завтра утром. Я вышел из купе. Твои действия?

Мартин обладал большой силой внушения, потому что Раздолбай ощущал себя так, словно в самом деле находился перед суровым выбором – смерть или кража, влекущая смерть кого-то другого. Он не мог отмахнуться и перевести все в шутку – он должен был дать ответ, но не способен был ответить даже самому себе, и от этого в его душе что-то разламывалось на колючие рваные части. Он словно окаменел, на висках выступила испарина.

– Похоже, ты грузанул бойца, – вмешался Валера и дружелюбно хлопнул Раздолбая по плечу. – Представь, что я одолжил тебе пять штук, и расслабься.

– Не надо сводить к фиглярству психологический опыт, – жестко сказал Мартин. – Человек считает себя порядочным, а я хочу помочь ему понять свою суть. Можешь тоже включиться и подумать над выбором вместе с ним.

– Над каким выбором? Украсть у тебя пять штук или получить перо от бандитов? Украду, конечно! Мама твоя перекукует без операции – все равно она меня не любит, говорит, что я тебя приучил к водке.

– К водке приучил дико. Но все-таки подумай серьезно.

– Я серьезно. Все эти балансы давно известны – умри ты сегодня, а я завтра; порядочный человек – тот, кто ради малой выгоды не сделает большой подлости, и так далее. Сам знаешь, что в подобной ситуации любой человек украдет.

– Я хочу, чтобы он в этом честно признался.

Раздолбай молчал в ступоре. Поддавшись внушению Мартина, он действительно представлял себя на пороге смерти, но признаться вслух, что он украдет деньги, обрекая на гибель чью-то мать, значило сломать внутри себя какой-то зубчик, без которого весь внутренний механизм будет работать не так, как прежде. Он не мог сломать его. Это казалось даже страшнее смерти, потому что смерть была выдуманным условием игры, а зубчик был совершенно реальным и даже ощущался где-то в области сердца.

– Я... Я... – выдавил Раздолбай, ругая себя, что пошел в незнакомую компанию, где ему устроили такую душевную пытку. – Я не знаю.

– «Не знаю» – не ответ. Украдешь или нет?

– Все, баста! – резко сказал Валера. – Позвали человека в гости, нечего его прессовать. Ты предлагаешь надуманную ситуацию, в которой никто никогда не окажется. Долг, бандиты, мать, пиджак... Все равно такого не может быть.

– Я могу предложить другую ситуацию, в которой реально оказывались миллионы людей. Ответишь мне честно, как бы ты поступил в положении, которое я сейчас опишу, и будем считать тему закрытой – откроем бутылку номенклатурного шампанского, начнем дико кутить.

– Давай валяй, Фрейд хренов.

– Тридцать седьмой год. Нас с тобой привезли ночью в лубянский подвал. Тебя в один кабинет, меня – в другой. Тебе дают подписать свидетельство, что я готовил покушение на вождя. Не подпишешь – вышка. Ты знаешь, что в другом кабинете передо мной положили точно такое же свидетельство против тебя. И, внимание! Ты знаешь, что под угрозой смерти я готов украсть из кармана пиджака пять тысяч, и значит, принципы для меня не дороже жизни. Твои действия?

– Да ну, это херня какая-то, – заартачился Валера, не желая поддаваться внушению Мартина.

– Это реальная ситуация, в которой были миллионы людей. Я предлагаю тебе представить это и сказать, как бы ты поступил.

– Я с тобой пил-гулял, а ты, значит, подписал бы на меня доносец? – с прищуром спросил Валера, пытаясь съехать на шутовстве.

– Ты не знаешь, подпишу я или нет. Ты знаешь только, что я украл бы из чужого пиджака пять тысяч, а значит, можешь предполагать.

– Ну и катись на лесоповал, раз ты такой гандон!

– То есть ты подписал бы?

– Ну, ты же на меня подпишешь!

– Ты этого не знаешь, в том-то и дело. Ты только предполагаешь это на основе того, что под угрозой смерти я могу украсть. Но ты сам говорил только что – «любой человек в подобной ситуации украдет», значит, и ты тоже. Стало быть, в отношении принципов порядочности мы с тобой совершенно дико равны, и я тебя спрашиваю – сидя в кабинете следователя в тридцать седьмом году, подписал бы ты под угрозой вышки свидетельство против меня, зная, что я в этот момент делаю точно такой же выбор? Только давай честно, не пытайся казаться лучше, чем есть. Мы же все тут дико правильные короли, верно?

Валера задумался. Насмешливые искры ненадолго погасли в его светлых глазах, отчего они стали безжизненными, но тут же вспыхнули вновь.

– А я скажу: дяденька следователь, все напишу как есть! Дайте только сперва протокол моего кореша почитать. Интересно, что он про меня наклеял.

– Такой возможности нет.

– А ты за гражданина следователя не решай! Вот привезут нас в подвалы, там и увидим, какая возможность есть, а какой нет!

Раздолбай засмеялся. Насмешка Валеры словно разбила чары, которыми опутал его Мартин, и он даже удивился, что всерьез терзался каким-то надуманным выбором.

– Моделировать этические дилеммы с тобой ни фиги невозможно, – обиженно сказал Мартин. – Впредь отказываюсь вовлекать тебя в серьезные беседы и выходить за рамки номенклатурного веселого триндежа. Но чтобы не терять плодов нашей небесполезной дискуссии, предлагаю напоследок еще один выбор. – Мартин снова обратился к Раздолбаю. – Представь такой вариант: пока ты решаешь, украсть из моего пиджака пять тысяч или умереть завтра от рук бандитов, к тебе подходит следователь, случайно оказавшийся в поезде, и обещает уладить проблемы с долгами, если ты подпишешь маленькую бумажку – протокол, по которому Валере светит условный год. Подпишешь, и малознакомый чувак, с которым ты даже не доиграл пар-

тию в «кинга», поймает немного проблем, зато ты останешься жив и не придется красть деньги, косвенно убивая этим чужую мать. Украсть-умереть-подписать – выбирай.

После остроумного ответа Валеры размышлять над «этическими дилеммами» Мартина не хотелось, а хотелось тоже шутить, по возможности еще более остроумно.

– Я скажу следователю: «Таки что вам этот мелкий кагтежник Валера? Есть гыба покгупнее!» – заговорил Раздолбай, изображая персонаж еврейского анекдота. – Сдам ему бандитов, которые ждут меня в Риге, и таки не надо будет ничего красть.

– Ха, боец, дай пять! – засмеялся Валера и подставил Раздолбаю ладонь, по которой тот радостно хлопнул. – А то он хитрый, договорился со следователем ловить в поезде лохов на живца. У него и пять штук-то в пиджаке фальшивые, ментами помеченные. Хорошо, ты не взял!

– Таки я сгазу просек эту фишку! Какой фгаер оставит в пиджаке башли, котогыми спасают больную маму?

Оседлав волну веселого балагурства, Валера и Раздолбай пустили в адрес Мартина еще десяток безобидных шпилек, которые тот принимал молча, с видом непопираемого достоинства. Когда юмор шутников иссяк и каждая новая острота стала получаться глупее предыдущей, Мартин покачал головой и снисходительно молвил:

– Дикие короли.

– Хватит умничать, доставай шампаня! – потребовал Валера.

– Шампаня дико. Но прежде чем нырнуть с вами в пучины бессмысленного кутежа, хочу все-таки оставить за собой последнее слово в единственной за сегодня полезной теме.

«Как он все-таки странно разговаривает», – подумал Раздолбай, не желая терять веселую волну, на которую настроился вместе с Валерой, и предвкушая, как вспенит эту волну шампанское.

– Запомни ситуацию, которую я тебе описал, – про деньги, бандитов и следователя с протоколом, – очень серьезно продолжал Мартин, обращаясь к одному Раздолбаю. – Подумай над ней, когда будет время. Ответ нужен только тебе. Найди его, запомни и вспоминай, когда захочешь выступить где-нибудь «честным человеком». Может быть, тогда твой сегодняшний поступок с картами не будет казаться тебе проявлением совершенно дикой порядочности.

– Мартин, ты какой-то максималист, – ответил Раздолбай, ощущая себя кроликом, выработавшим иммунитет против удавьего гипноза. – Хочешь сказать, что если в такой экстремальной ситуации я выберу не умирать, а украсть или подписать бумагу, то нет вообще никакого смысла соблюдать порядочность в обычной жизни?

– А какой смысл? Я знаю про себя, что в такой ситуации я украду или подпишу. Это более серьезное этическое преступление, чем смотреть в чужие карты, а удерживаться от маленького зла, зная, что способен совершить большое, есть, на мой взгляд, то самое дешевое чистоплуйство, в котором я тебя упрекнул. По-моему, это самое честное отношение к себе и к жизни. Можете мной теперь номенклатурно ужасаться, я же открываю шампанское, и начинаем дикий кутеж.

Пробка хлопнула, шампанское вспенилось в стаканах из-под чая, и волна балагурства подхватила всех троих. Вместо заумных «этических дилемм» посыпались шутки, анекдоты и смешные истории из жизни, которых у Валеры и Мартина было множество. В двенадцать ночи Раздолбай вспомнил, что его завтрашний день рождения уже можно праздновать, и это стало поводом принести из вагона-ресторана еще пару бутылок шампанского.

Когда хлопнула третья пробка, Раздолбай был влюблен в своих новых приятелей. Ему казалось, что никогда в жизни он не находился в такой веселой, интересной компании. Он подстроился под стиль общения Мартина и Валеры и быстро научился «великому искусству веселого триндежа», в которое Валера посвятил его, когда они пошли курить в тамбур.

– Если рассказывать друг другу, кто в каком институте учится и кто какой фильм смотрел, это иссякнет за полчаса и станет скучно, – объяснял Валера. – Главное, уметь весело говорить ни о чем. Это как теннис: один делает смешную подачу, другой стремится отбить так, чтобы стало еще смешнее, и нагромождается веселый абсурд.

– Как с темой про следователя, когда мы застebали Мартина?

– Да, да, да! Ты воткнул тогда.

Раздолбая нравилось, что он «воткнул». Мартин и Валера были старше, но у него получилось общаться с ними на равных. Несколько раз ему удавалось делать хорошие «подачи» для шуток, а пару раз он так удачно отбивал «подачи» Валеры, что тот с хохотом хлопал его по плечу и приговаривал: «Бое-ец!» Раздолбая хотелось закрепить дружбу, сделать так, чтобы в Риге они сошли с поезда одной компанией, а не разошлись на перроне, обменявшись холодными кивками, как случайные попутчики. Он использовал любую возможность, чтобы усилить расположение к себе, и, когда Мартин предложил выпить по стакану чая, чтобы «дикосадить номенклатурный хмель», вызвался этот чай организовать, несмотря на то что проводница легла спать, а вагонный титан давно погас. Ветер эйфории сорвал в пьяной раздолбайской голове все якоря, и, насобирав по вагонам деревянные вешалки, он собственноручно растопил ими титан, с хрустом ломая полированные деревянныешки напротив купе с надписью «начальник поезда». Безрассудство себя оправдало – когда перепачканный сажей Раздолбай гордо принес кипяток, Валера одобрительно сказал:

– С таким бойцом доедем, даже если дрова в паровозе кончатся.

– Дикий король! – согласился Мартин.

Чай действительно осадил хмель, а с ним и веселую волну. В третьем часу ночи всем захотелось спать, и Раздолбай отправился в свой вагон с ощущением, что первый день взрослой жизни прошел как нельзя лучше. Мартин и Валера сказали ему на прощание: «Встретимся на перроне», а значит, предлагали продолжить дружбу. Перебираясь из вагона в вагон и освежаясь в грохочущей прохладе между тамбурами, Раздолбай радостно улыбался, и только в дальнем уголке души что-то неприятно царапало... Ах да – «этическая дилемма»! Где этого Мартина научили такой зауми, в МГИМО, что ли? Раздолбай вспомнил, как терзался, и пожалел, что холод тамбуров согнал с него остатки хмеля. Неразрешимый выбор начал грызть его снова, и больше всего мучил вопрос, которым Мартин огорошил в конце, – зачем удерживаться от маленького зла, если знаешь, что способен совершить большое?

Как просто было до сегодняшнего дня считать себя хорошим парнем! Раздолбай всегда знал, что не возьмет чужое, не будет отбивать чужую девушку, не станет доносить, не взглянет в чужие карты... Но Мартин заставил посмотреть на жизнь другими глазами, и вдруг выяснилось, что возможны ситуации, когда от хорошего парня не останется следа.

«Я украл бы деньги, если бы знал, что в Риге меня убьют за долг, – думал Раздолбай. – Подписал бы протокол против Валеры, если бы меня привезли в подвал и пригрозили вышкой. А раз так – не мелочь ли, в самом деле, смотреть чужие карты? Зачем упираться в «принципы», если знаешь, что их сдует в случае большой угрозы? Не честнее ли, как сказал Мартин, отбросить мнимую «порядочность» и всегда поступать как хочется?

Эти мысли до рассвета мучили Раздолбая под стук колес и разноголосое храпение трех попутчиков. И только первые лучи солнца, пробившиеся золотыми вспышками через клеенчатую купейную штору, принесли ему спасительную мысль – все это понарошку! Никто не собирается убивать его за долг, никто не повезет в подвал. И пусть вопросы Мартина загнали его в ступор, таких дилемм никогда не будет в жизни, а значит, принципы лучше сохранять. Очевидно ведь, что быть хорошим парнем приятнее, чем плохим!

Поверив, что жизнь будет к нему добрее, чем дилеммы Мартина, Раздолбай вернул покой и уснул сном человека, который с боем спас от поругания свое честное имя. Проснулся он от выкриков проводницы:

– Labrit, cenijami pasazieri! Celamies, atbraucam! Riga! Labrit...²

---

² Доброе утро, уважаемые пассажиры! Поднимаемся, приехали! Рига! Доброе утро... (*латв.*)

Глава четвертая

Первое, что порадовало Раздолбая, когда он открыл глаза, – свежая голова, в которой бродили приятные воспоминания о вчерашнем кутеже с новыми друзьями, но не ощущалось даже намека на боль. Поезд уже стоял на перроне. Плотная клеенчатая штора была поднята кем-то из торопливо собирающихся попутчиков, и яркий солнечный свет заливал купе, отражаясь от асфальта перрона и серых стен вокзального здания. Сонливость отлетела вмиг, и, хотя на часах было немногим больше десяти утра, Раздолбай поднялся с такой легкостью, словно давней привычки вставать за полдень никогда не было. Спал он не раздеваясь, поэтому подхватить сумку и ринуться по узкому вагонному коридору к выходу было делом нескольких секунд.

Следующим приятным открытием стал необыкновенно прозрачный рижский воздух. Казалось, до этого дня мир виделся через пыльные окна, которые протерли вдруг влажной губкой. Раздолбай никогда не видел над головой такого ярко-синего неба и таких ярко-белых облаков и не предполагал, что эти простые вещи могут так радовать. Он шагал по платформе, будто на пружинках, и даже не мог вспомнить, когда последний раз ощущал себя настолько счастливым.

Валера и Мартин, как обещали, ждали его около выхода в город и заулыбались ему издали, как близкому товарищу.

– Боец, твое вчерашнее геройство лишило нас утром кофе, – сообщил Валера.

– У проводницы случился дикий невруб, когда она обнаружила в титане железные крючья, – подхватил Мартин. – Ее латышский мозг не допускал мысли, что кто-то мог топить ночью вешалками, и она решила, что отвалились какие-то детали печки. Вместо кипятка всем предложили номенклатурную воду «Буратино», но пить с утра это пошло – оскорблять свой кишечник. Держи, это тебе.

Мартин протянул Раздолбаю небольшой металлический предмет.

– Номенклатурная зажигалка «Зиппо» с автографом Гельмута Коля. Вез продать за десятку и пропить, но бабки есть, а у тебя день рождения.

Польщенный Раздолбай поблагодарил и в поддержку «веселого трындежа» вспомнил судьбу зажигалки, которая была у него в восьмом классе.

– Мне так нравилось ею все поджигать, что на труде я подпалил однокласснику сзади халат. Трудовик зажигалку забрал, в дневнике написал: «За грубое нарушение дисциплины – 1. Зажигалкой «Ронсон» поджигал халат Суслову».

– Представляю, как начальник поезда передал бы тебя вчера на руки ментам с формулировкой: «Зажигалкой «Зиппо» с автографом Коля поджигал в титане вешалки!» – тут же отбил подачу Валера.

Все трое засмеялись и, продолжая перебрасываться темой вешалок и зажигалок, двинулись к остановке такси.

– Нам в Яундубулты, а тебе дальше, в «Пумпури», – сказал Мартин. – Запомнишь наш дом отдыха – когда захочешь, приедешь в гости.

– Или вы ко мне.

– Наш пансионат номенклатурнее, так что у нас покайфней. Хотя если у тебя там будут водиться качественные человеческие самки, то приедем однозначно.

Выражение Мартина покорило Раздолбая, но от мысли, что в доме отдыха могут оказаться девушки, небо стало казаться ему еще синее, облака белее, а солнечный свет теплее и ярче. В машине он прикурил от подаренной зажигалки и снова подумал, что никогда не чувствовал себя таким счастливым.

Крепенькая «Волга», не знавшая за годы своего таксомоторного труда ни соли, ни слякоти, попетляла по рижским улочкам, промчалась по вантовому мосту, похожему на гигант-

скую арфу, и выехала на магистральную трассу, которая через двадцать минут перешла в узкое шоссе, обжатое с обеих сторон стенами высоких красноствольных сосен. Еще несколько километров, и такси остановилось около массивной железно-каменной ограды с такой внушительной проходной, что пришлось бы впору не пансионату, а ракетному заводу.

– Запомни ворота. Любому водиле назовешь «совминовский дом» – все знают. Приедешь, скажешь: «К Покровскому», это я, – напутствовал Мартин, расплачиваясь с таксистом.

– Давай, боец! До встречи.

Мартин и Валера вытащили из багажника чемоданы и растворились за толстыми стеклами проходной.

– Серьезные у тебя друзья, – уважительно пробасил таксист. – Простые люди не отдыхают здесь.

«Волга» пробежала еще несколько минут по той же дороге и подкатила к пансионату композиторов «Пумпури». Глядя на белоснежное четырехъярусное здание, похожее на океанский лайнер, Раздолбай мысленно благодарил маму и обзывал себя придурком, который чуть было от всего этого не отказался.

Новая взрослая жизнь щедро рассыпала радости. Раздолбай купил в баре пансионата бутылку пива и, выпив ее на балконе уютного номера-пенала, отправился изучать обстановку. Пансионат казался пустым. Никого не было в большом зимнем саду с настольным теннисом, никто не играл в огромные напольные шахматы с фигурами в половину роста, никому не приносили мороженое в летнем кафе. Раздолбай приуныл, представляя, как придется одиноко бродить по этим пустым помещениям, но тут послышалось характерное цоканье – кто-то начал вяло играть в пинг-понг.

В зимнем саду неумело перекидывались шариком два персонажа – двухметровый худой очкарик и кудрявый брюнет с огромным носом и нарочитыми бакенбардами. Раздолбай никогда не стал бы знакомиться с такими типами, давно усвоив, что начинка видна по обертке, и люди, похожие на клоунов, как правило, клоунами и являются, но кроме этой парочки в пансионате как будто никого не было.

– Привет, уимблдонцы, – сказал Раздолбай, подпустив в голос подобающую в общении с клоунами развязность. – Чё-то пусто здесь. Кроме вас, что ли, не отдыхает никто?

– Так все на пляже, – ответил очкарик таким гнусавым и гулким голосом, словно говорил в граммофонную трубу.

– А вы чего?

– Да мы так... Не загораем.

Поболтав с клоунами настолько нейтрально, чтобы при следующей встрече можно было, едва кивнув, разойтись, Раздолбай узнал, что они отдыхают здесь вторую неделю. Очкарика звали Яник, а брюнета с бакенбардами Яша. Молодежи кроме них в пансионате не было, да и сами они уезжали по домам через два дня.

– Не повезло тебе. Поиграем с тобой пару дней в карты, а потом будешь тут один со старперами вешаться, – прогундосил Яник.

Раздолбай подумал, что скорее стал бы вешаться в компании с граммофоноголосым Яником, но предложение сыграть в карты радостно принял – делать больше все равно было нечего.

Обертки клоунов оказались обманчивыми, и начинки таили в себе сюрприз. Сев расписывать с Раздолбаем «кинга», Яша и Яник сразу сказали, что просто так не играют и надо поставить хотя бы десять копеек очко. Считая себя неплохим игроком, Раздолбай смело согласился и к концу партии проигрывал клоунам больше пяти рублей – двухнедельный сигаретный бюджет. Оставался шанс немного сократить потери на отыгрыше, но, когда Яша начал сдавать карты, за панорамными окнами зимнего сада возникло какое-то движение и по-слышались голоса, похожие на птичий гомон. Большая компания молодежи, из которой взгляд Раздолбая сразу выхватил двух высоких девушек, проследовала в сторону моря.

– А вы говорили, тут одни старперы, – удивился Раздолбай.

– Это компания Миши Мороза, – отчего-то обреченно сказал Яша. – Они сами по себе, никого не принимают.

– И они не здесь живут, а на дачах, – добавил Яник.

– Девушки там, кажется, интересные.

– Девушки интересные – факт, – еще более обреченно согласился Яша. – Можем тебя познакомить, только все равно не примут.

– Вы их знаете?

– Знаем, конечно. Миша с нами в ЦМШ учился, и в «консу» мы поступали вместе. Только его, считай, без экзаменов взяли, а нас завалили. Он же крутой типа – лауреат всех конкурсов. Они все в этой компании под его дудку пляшут, делают только то, что он хочет.

Лауреат конкурсов мало интересовал Раздолбая, а вот двух высоких девушек он захотел разглядеть получше. Карты стали неинтересны, и, хлопнув об стол пятирублевкой, он потребовал вести его в компанию Миши Мороза сию секунду.

– Это знакомство тебе ничего не даст, – объяснял Яша по дороге на пляж. – Костяк этой компании – сам Миша и два его лучших друга – Андрей и Барсук. Миша с четырех лет отдыхает летом с родителями на одной и той же даче в Меллужи, и Андрей с Барсуком с ним еще на трехколесных велосипедах катались. К ним, бывает, прибьются два-три человека новых, но они все равно их на расстоянии держат.

– А девчонки?

– Они рижанки вроде, тоже на дачах живут. Мы их не знаем. Миша видеокамеру привез, заразил Андрея с Барсуком идеей снять фильм. Андрей под это дело притащил целый девичник, и вот они каждый вечер с этой камерой носятся, снимают «ужастик».

– Что, прямо настоящий фильм делают?

– Да нет, откуда? Миша скрипач хороший, но не Хичкок ни разу. Бегают с клыками пластмассовыми, изображают вампиров, орут чего-то. Хотя весело – потом чай у них дома пьют, ржут.

– А вас чего не позвали? Из Яника бы отличный вампир вышел, – съязвил Раздолбай, представив, как долговязый очкарик с пластмассовыми клыками крикнул бы своим граммфонным голосом что-нибудь вроде: «Не убьете Носферату!»

– Очень мне надо по его указкам бегать! – возмутился Яник. – Он привык с детства, что вокруг него все вращается, и в друзьях у него те, кто на это согласен. А я сам по себе, меня место в свите бесит.

– Яник, Миша – лауреат пяти конкурсов, выступает в серьезных залах – может требовать к себе уважения, – остудил приятеля Яша и стал объяснять специально для Раздолбая. – Дело в другом. Мы Мишу хорошо знаем и в Москве нормально общаемся. Но здесь его лучший друг Андрей, а он в этой компании типа «серый кардинал» и чужих людей начинает жестко стебать и выдавливать. Мы тусили вначале с ними, но из-за Андрея чуть не дошло до драки. Закапывать лучшего друга Миши в песок не хотелось, так что выбрали не связываться.

Яник и Яша начали вспоминать нанесенные Андреем обиды, но Раздолбай их уже не слушал. Он думал, что легко сумел подружиться с такими непростыми ребятами, как Валера и Мартин, а раз так, в компанию какого-то скрипача-режиссера он уж как-нибудь вотрется.

Асфальтовая тропинка вывела из редкого соснового леса и уперлась в песчаный холм, за которым слышался плеск волн и выкрики чаек. Увязая кроссовками в песке, они поднялись на гребень холма, увидели впереди спокойное серое море, спустились и оказались в песчаных дюнах, поросших невысоким кустарником. Сочетаясь с рельефом дюн, кустарники образовывали подобия кабинетов под открытым небом, в которых, скрываясь от морского ветра, ютились небольшие компании – кто с картами, кто с пивом и гитарой, кто с маленькими детьми. В одном из таких природных укрытий расположилась и компания Миши.

Двух высоких девушек Раздолбай заметил сразу – коротко стриженная блондинка и брюнетка с копной длинных вьющихся волос, рассыпавшихся по плечам, сидели спиной к нему на бревнышке, до блеска отполированном песчаными ветрами, и молча наблюдали, как щуплый Миша носится между кустарниками с видеокамерой и объясняет двум парням, что надо делать.

– Барсук, выбегаешь из этих кустов, хватаешь Андрея сзади за горло и валишь. Потом снимем, как ты вливаешься.

– Клыки надевать? – уточнил добродушный толстяк, названный Барсуком.

– Нет, наденешь на крупный план.

– Пусть сейчас наденет! У него же хавальник бегемотский – разинет случайно, спалится, что без клыков, – возразил Андрей.

Миша сразу согласился, и Раздолбай подумал, что он вовсе не такой деспот, каким описывал его Яша.

– Авива, где Авива?!

– Я здесь, – откликнулась худенькая девушка с темными покорными глазами.

– Выбежишь из-за тех кустов, будешь кричать.

– Как?

– В ужасе. Давайте репетицию!

«Артисты» начали разыгрывать сцену. Барсук валил Андрея на песок, Авива в ужасе кричала, Миша выбирал, откуда лучше снимать, – все относились к этому серьезно, словно снимали настоящее кино, и, даже подшучивая друг над другом, не переходили грань, за которой дело превратилось бы в баловство. Раздолбай бегло изучил всю компанию. Миша был непрекаемым лидером. Очень серьезный взгляд и лицо с глубокими складками делали его иногда похожим на маленького старичка или гнома, но живость мимики и бешеная жестикуляция выдавали энергичного мальчишку. Шастая туда-сюда со своей камерой, он напоминал мультипликационный персонаж, который умудряется быть в нескольких местах одновременно. Улыбчивый увалень Барсук был объектом добродушного подтрунивания, и, судя по его реакциям, эта роль давно стала для него привычной. Андрей, похожий по-голливудски точеным лицом на спасателя Малибу из дурацкого сериала, которым добивали двухчасовые боевики на трехчасовых видеокассетах, казался в компании самым старшим и невозмутимым. Он послушно выполнял все, что требовал Миша, но делал это с таким видом, словно оказывал ему по дружбе услугу. Время от времени он остроумно подшучивал то над Барсуком, то над девушками, но в адрес Миши не пошутил за все время ни разу.

Девушек в компании было пять. Кроме худенькой Авивы, в съемках сцены были заняты Инна и Карина, которым Миша велел бегать на заднем плане, изображая удирающих в ужас прохожих. Обе девушки были симпатичными, но ничем не примечательными. Раздолбай мельком посмотрел в их сторону и снова впился взглядом в спины блондинки и брюнетки, сидевших на бревнышке. Желая разглядеть лица девушек, он чувствовал непонятный страх, который объяснял боязнь разочароваться.

«Окажутся страшными, и зачем, спрашивается, я шел в эту компанию?» – говорил он себе, понимая в то же время, что боится чего-то другого.

Словно почувствовав его взгляд, блондинка обернулась и приветливо улыбнулась ему.

«Хорошая улыбка, большая грудь», – не разочаровался Раздолбай и удивился, почему же ему до сих пор страшно.

Заметив движение подруги, обернулась и брюнетка.

«Пропал, погиб!» – сверкнуло в голове Раздолбая.

В ту же секунду он понял, чего боялся: потерять свободу, потерять покой, потерять себя – именно это случилось в момент, когда он увидел лицо девушки и моментально влюбился. Загорелое лицо брюнетки, обрамленное каштановыми локонами, оказалась не просто краси-

вым, а красивым настолько, что Раздолбай словно осыпался. Подобных девушек он видел до этого только в кино или на календаре, предназначенном Харaborкину, и считал их обитательницами мира грез, но никак не реальной жизни. И вот существо из грез материализовалось в нескольких шагах от него, окинуло его равнодушным взглядом зеленых миндалевидных глаз, поджало пухлые губки и отвернулось.

«Пропал, пропал, пропал! – билось в голове Раздолбая в такт галопирующему пульсу. – Она даже не улыбнулась мне!»

Миша закончил снимать сцену, и Яша с Яником повели Раздолбая в гущу компании. По тому, как холодно их встретили и какие колкости обрушил на них Андрей, было件нятно, что для друзей Миши они абсолютно чужие. Из гордости Раздолбай не стал бы стремиться растопить лед, но что значила гордость, когда сердце захлопнулось в капкане? Он собрал все свое остроумие, излучал обаяние изо всех сил, и ледяная броня поддалась. Сначала на него обратили внимание, потом посмеялись над его шуткой, потом Миша не поленился рассказать про свой фильм и описал следующую сцену, с которой возникли сложности.

– У нас Диана должна встать ночью с постели в гостинице, выйти на балкон и увидеть на улице вампира. Андрей сегодня ходил в три гостиницы, нигде не разрешили снимать.

– Дом композиторов похож на гостиницу? – осторожно спросил Раздолбай.

– Похож в принципе.

– Так снимайте у меня в номере. Я один живу. Диана – это кто?

– Диана – это я, – пропела-промурлыкала девушка-брюнетка.

«И имя, и голос – с ума сойти!» – отчаянно подумал Раздолбай, чувствуя, что капкан сжимает его сердце еще сильнее.

В Дом композиторов, который все называли «компиками», отправились плотной гурьбой, и Раздолбай на правах принимающего хозяина на время перехватил лидерство. Он шагал рядом с Мишей в центре компании, сыпал шутками и тайком поглядывал в сторону Дианы, пытаясь понять, становится ли она к нему хоть чуть-чуть благосклоннее. Боясь выдать свой интерес, он развлекал всех ради нее одной и разбрызгивал обаяние фонтаном, рассчитывая, что на нее попадут капли, способные зажечь первую симпатию. Капли падали мимо – Диана ни разу не задержала на нем взгляд, ни разу не улыбнулась ему лично.

Администратор пансионата не хотел пускать ораву посторонних, но красноречие Раздолбая пробило и этот заслон. Он стал врать, что Миша снимает фильм для Берлинского фестиваля, который покажут по немецкому телевидению, и немцы, увидев на экранах замечательную Юрмалу, обязательно поддержат стремление латышей ввести у себя визы. Эта околесица околдовала администратора-латыша – он заулыбался, махнул рукой, и вся толпа, кроме Яши и Яника, которые потерялись где-то на полдороге, проследовала к Раздолбаю в номер.

«Она у меня в гостях! – ликовал Раздолбай, когда Диана села на его застеленную кровать. – Я привел ее к себе!»

Он думал, что влюбился до предела, но через минуту разверзлись новые глубины любовной пропасти, и Раздолбай полетел в такую бездну, какой не мог даже вообразить.

– Так, Диана, в чем ты будешь спать? – спросил Миша, пряча собственное смущение за грубоватым напором.

– А что, мы прямо с раздеванием снимать будем? – растерялась Диана.

– Ну, ты просыпаешься, встаешь с постели и выходишь на балкон. Ты в одежде собираешься спать, как после пьянки?

– Я никогда так не напиваюсь. И всегда сплю в маечке или в ночнушке, – объяснила Диана, кокетливо мурлыкая.

– У тебя там есть маечка?

– Маечка у меня «там» есть.

– Ну все! Давай раздевайся, ложись – будем снимать.

– И все будут стоять смотреть?

– Все выйдут, конечно. Кто-то один останется включать музыку. Барсук, давай мафон.

Так как кино снималось примитивными средствами и звук писался микрофоном камеры, надо было, чтобы в момент пробуждения Дианы кто-то включал запись тревожной музыки. Миша выбрал для этой цели Раздолбая, чтобы администратор дома отдыха не придрался вдруг, почему комната используется без хозяина. Все вышли в коридор. В номере остались Раздолбай с магнитофоном, Диана и Миша с камерой.

– Отвернетесь или будете пялиться на мою маечку? – промурлыкала Диана.

Раздолбай отвернулся, но от услышанного шороха его бросило в жар. Он слышал, как Диана раздевалась, как она сбросила с кровати покрывало и забралась в постель. В ЕГО постель!

– После команды «начали» оба считаете про себя до пяти. На счет пять ты просыпаешься иходишь к балкону, а ты включаешь музыку, – объяснил Миша и взял камеру на изготовку.

Раздолбай с магнитофоном на коленях спрятался за тумбочкой, чтобы не попадать в кадр, но сам при этом видел комнату как на ладони. Миша погасил верхний свет, оставив гореть ночник, и скомандовал «начали».

«Раз, два, три... – начал считать Раздолбай, и ему казалось, что на счет пять его сердце выскочит от восторга. – Пять».

Из включенного магнитофона послышалось шипение, и голос Андрея отчетливо произнес: «Жопа!» В коридоре грянул гомерический хохот.

– Та-ак, Андрей с Барсуком в своем репертуаре, – засмеялся Миша, отмахивая испорченный дубль.

Андрей, задыхаясь от смеха и вытирая слезы, вошел в номер и протянул Мише магнитофонную кассету.

– Извини, чувак, не мог удержаться. Вот кассета с музыкой.

– Давайте больше не портить. Без монтажа снимаем, я могу предыдущую сцену стереть. И не шумите за дверью!

– Все, все, чувак, извини... Уйдем на другой этаж.

Снять сцену не могли долго. Каждый раз, когда на счет пять включалась музыка, или Раздолбай, или Диана, или сам Миша начинали давиться хохотом. Несколько раз Диане удавалось встать и дойти до балкона, но в этот момент в музыке звучал самый тревожный пассаж, и он спускал смеховой курок для всех троих. Можно было сказать, что они с этой сценой мучились, но для Раздолбая это были самые приятные минуты в жизни – красивая девушка ходила по его номеру полураздетой, ложилась в его постель, звонко смеялась, встряхивая копну пушистых волос... Он рассматривал ее фигуру, втайне желая найти какой-нибудь изъян, чтобы любовь не растерзала его насмерть, но фигура была безупречной – как у девушек с календарей. Когда съемка закончилась, Раздолбай словно вынырнул из теплого молока и, как ни старался, не мог скрыть огорчения.

– Чувак, не вешай нос, – подбодрил его тихонько Барсук. – Сейчас мы уйдем, ляжешь в кровать, вспомнишь, кто там лежал, у тебя вскочит... Только потолок не забрызгай.

Раздолбай ухарски хмыкнул в ответ, но сам ощущал беспомощность. Он был ухарем, только листая «Пентхаус». Влюбившись по-настоящему, он вознес объект любви на такой пьедестал, что мог лишь взирать на него снизу с благоговейным трепетом, и шутку про «забрызгивание потолка» посчитал кощунством. Он знал, что когда все уйдут, он ляжет в постель, хранившую тепло Дианиного тела, и будет прокручивать снова и снова все, что впитали его глаза, но в этих мыслях не посмеет даже сдернуть с плеча Дианы бретельку майки.

– Эй, на землю спустись! – дернул его за рукав Андрей. – Люди с тобой прощаются.

Раздолбай очнулся, пожал протянутую лапищу Барсука и хотел обворожительно улыбнуться Диане, но улыбка получилась заискивающей. Диана ответила вежливым кивком и

вышла, унеся с собой счастье этого волшебного вечера. Миша Мороз попрощался с Раздолбаем неожиданно крепким для тщедушного скрипача рукопожатием.

– Спасибо тебе за помощь, – сказал он, – если хочешь, приходи завтра к нам в гости. Я обычно до шести занимаюсь, потом мы что-нибудь дотемна снимаем, потом дома пьем чай. Но завтра Диана уедет в Ригу, а она у нас главная актриса, так что сразу после шести будем тусить. За тобой кто-нибудь из компании придет, приведет к нам.

Раздолбай ликовал. Приглашение Миши означало, что он почти внедрился в компанию, и оставалось еще раз произвести хорошее впечатление, чтобы закрепиться намертво. Для этого, правда, необходим был кураж, который улетучился, как только Миша сказал про завтрашнее отсутствие Дианы, но Раздолбай верил, что ради будущих встреч сумеет быть искрометным.

Первый день в Юрмале завершился. Он не просто принес много радостных впечатлений – это была новая жизнь, для которой даже хотелось придумать название. В обычной жизни почти все было скучно, предсказуемо и относилось к категории «надо», а не «хочется». Эта жизнь тянулась, как бесконечный подъем в гору, и всегда определялась кем-то другим – школой, родителями, расписанием вступительных экзаменов. Новая жизнь летела в лицо, будто Раздолбай мчался с горы на велосипеде, и радовала чувством абсолютной свободы.

«Своя жизнь! – придумал он. – Это будет называться “своя жизнь”».

Радуюсь удачному названию, а еще больше тому, что «своей жизни» было впереди целых восемнадцать дней, Раздолбай погасил свет и забрался в постель. Как только его голова коснулась подушки, запах легких духов тонкой змейкой вполз в его ноздри и впился в сердце.

«Ну, это уже слишком!» – испугался он, ощутив, что падает в любовь еще глубже, хотя думал, что достиг в этой бездне дна.

Он провел рукой по подушке, и под пальцами у него оказался длинный каштановый волос. Понимая, что это глупо, но, не желая себя сдерживать, он свил его в колечко и поцеловал.

«Влюбился... Влюбился по уши...» – шептал он про себя, замирая, как на качелях.

Глава пятая

«Влюбился!» – первое, что подумал Раздолбай, пробудившись утром. Жить с новым чувством было так интересно, словно всю жизнь до этого перед глазами крутился какой-нибудь скучный фильм про колхозников и вдруг запустили приключенческое кино.

«Своя жизнь! – радовался Раздолбай, слетая с кровати, как подхваченная ветром пылинка. – Своя жизнь!»

Ощувив себя позавчера взрослым, он только теперь понял, что это на самом деле значит. Быть взрослым – это жить «своей жизнью»: свободной, непредсказуемой, освещенной влюбленностью. Своя жизнь превращала в приключение даже такую простую вещь, как завтрак.

В огромной столовой с обращенными на лес панорамными окнами одновременно позвякивали десятки ножей и вилок, и, казалось, этот звонкий шелест способен зарядить энергией вместо завтрака. Раздолбай хотел поесть в одиночестве, наслаждаясь воспоминаниями о вчерашнем вечере, но Яша и Яник помахали ему с углового столика, и пришлось к ним присоединиться.

– Твои вчерашние пять рублей за «кинга» мы даже поделить не успели. Я из-за тебя проиграл свою долю Янику, – издали заговорил Яша с подобострастными нотками.

– Почему из-за меня?

– Ну, ты совершил невозможное – втерся в компанию Миши. Даже Андрей тебя не стесал.

– А вы что, спорили, примут меня или нет?

– Я был уверен, что тебя отошьют. Как девочки?

– Девочки хорошие. – Раздолбай старался ответить равнодушно, но его лицо непроизвольно расплылось в блаженной улыбке.

– Он запал! Яник, он запал на кого-то! На кого, на темненькую? Колись!

– Темненькая ничего.

Не желая обсуждать с клоунами свои чувства, он скомкал тему и стал выпытывать у Яши с Яником, чем еще можно развлечься в Юрмале, кроме игры в карты. Узнав, что ничем другим его временные приятели не занимались, он оставил их «вешаться со старперами», а сам поехал в гости к Мартину и Валере.

Совминовский пансионат охраняли на проходной два строгих отставника в форменных фуражках. Таким не получилось бы навешать лапшу про съемки фильма для Берлинского фестиваля – могли бы и солью пальнуть. Отставники долго изучали список отдыхающих, куда-то звонили, требовали у Раздолбая документы и спорили между собой, считается ли студенческий билет удостоверением личности, или это картонка не солиднее проездного. Наконец отставник постарше вынес вердикт:

– Институт художников? Пусть идет художник.

Раздолбай прошел через хромированный вороток и, восторженно повторяя про себя «своя жизнь», зашагал по туевой аллее к белому зданию с колоннадой и стеклянным куполом на крыше.

«Номенклатурно!» – первое, что подумал он, оказавшись в огромном бронзово-кожаномраморном вестибюле.

Словечко из лексикона Мартина всплыло само собой. Все в этом пансионате было больше, качественнее и основательнее, чем в «компиках»: вместо паркета ковры на мраморе, вместо полотняных занавесок – бархатные портьеры. Даже фигуры напольных шахмат были вырезаны из такого дерева, что походили на антикварные статуи.

– Вам что-нибудь подсказать? – спросила дама-администратор с величественной статью оперной певицы.

– Я к Покровскому.

– Двести седьмой номер, но посмотрите сначала в бассейне – они заказывали на двенадцать сауны.

«Сауна!» – восторженно воскликнул Раздолбай, пугаясь, что придется раздеваться.

Сауна и маленький круглый бассейн располагались на последнем этаже под куполом, который был виден с аллеи. Белые лежаки, бирюзовый кафель и тысячи солнечных бликов, плясавших на воде в унисон с солнечными зайчиками на мозаичных стенах, складывались в картинку, похожую на кадр из фильма про Джеймса Бонда, – в подобных интерьерах агент частенько расправлялся с приспешниками злодеев. Роль Бонда мог бы смело примерить на себя крепкий Валера, который шел в плавках по бортику бассейна, держа в руке бутылку шампанского, а на роль приспешника идеально подходил мягкотелый Мартин, развалившийся нагишом на маленьком островке с тремя искусственными пальмами. Хлопок – и пробка, перелетев бассейн, угодила «приспешнику» точно в голову.

– О-хо-хо! – загоготал Валера, который всегда радовался любому поводу повеселиться.

– Девиантность твоего поведения указывает, что известное изречение про аристократов, дегенератов и шампанское является истинным, – как обычно, с достоинством и витиевато отреагировал Мартин, отбрасывая пробку в воду.

– Я слишком аристократично засветил тебе в кумпол?

– Дикий король.

– Да лишь бы весело было! Плыви сюда – накатим. И пробку вылови – не свинячь.

– Попрошу без нотаций.

– Привет, бойцы! – залихватски крикнул Раздолбай.

– Хо-хо, боец! – обрадовался Валера и тут же вложил ему в руку пластиковый стаканчик.

Налить шампанское он не успел, потому что Мартин бросил в него наполненную водой резиновую шапочку. Шапочка чиркнула Валеру по плечу, а ее содержимое выплеснулось на Раздолбая, повергая его в острый приступ фобии. Некоторое время ему удавалось делать вид, что ходить в мокрой одежде для него естественно, но внятно объяснить, почему он не хочет раздеваться и войти в сауну, так и не получилось.

– Да я не люблю... мне и так жарко... я тут посижу, побухаю... – лепетал Раздолбай.

– Хорош пыхтеть. Сбрасывай рубашку с могучих плеч и пошли париться, – задорно призвал Валера.

Беззлобная ирония обезоружила Раздолбая. Поняв, что мокрая рубашка все равно не скрывает его тщедушную конституцию, он залпом выпил стакан шампанского, разделся и пошел в парную, как на расстрел, ожидая, что пули насмешливых взглядов вот-вот вопьются меж его птичьих лопаток. Взглядов не было. Худоба, из-за которой он досыта наглотался школьных колкостей, была безразлична новым приятелям, и за это он еще больше проникся к ним дружескими чувствами.

Попарившись в сауне, Раздолбай прыгнул в бассейн, выпил стакан шампанского, еще раз попарился, еще раз прыгнул, выпил два стакана и обнаружил себя до предела счастливым. Солнце грело через прозрачный купол, сауна и бассейн сделали тело невесомым, а душа ликовала от того, что рядом такие замечательные друзья, каких никогда раньше не было.

«Своя жизнь! – жмурился Раздолбай от счастья. – Своя жизнь!»

– Как твой номенклатурный Дом композиторов? – поинтересовался Мартин. – Качественные человеческие самки есть?

Выражение неприятно царапнуло сердечный тайник, в котором со вчерашнего вечера хранилась драгоценная влюбленность в Диану, но строить из себя рыцаря Раздолбай не стал. Он мечтательно закатил глаза и дал понять, что по части «человеческих самок» в Доме композиторов все отлично.

– Порвал кого-нибудь? – уточнил Валера.

– Влюбился.

– Влюбился? Ты – дикий король, надо за это выпить! – обрадовался Мартин, разливая по стаканам вторую бутылку шампанского. – Кто она? Сколько лет?

– Семнадцать.

– Ты что, серьезно влюбился в семнадцатилетнюю телку? Не король ни фига!

– Почему?

– Потому что влюбленность в молодых телок приносит одни пиздострадания и ноль практических движений возвратно-поступательного характера. Я это давно понял и теперь имею дело только с разведенными от двадцати пяти. Мой совет – не увлекайся и найди кого-нибудь постарше.

Раздолбай опешил, словно в него попала еще одна шапочка с холодной водой. Он поделился своим тайным счастьем, а Мартин презрел его, как в далеком детстве презрели старшие ребята пластмассовый пистолет, которым он решил похвастаться во дворе. Обиднее всего было то, что он сам устыдился своего чувства, как устыдился тогда своей примитивной игрушки, увидев стальную копию кольца, громко стрелявшую капсюльными пистонами.

– Она красивая, – выложил Раздолбай последний козырь.

– Слушай, тут нет Гумберт-Гумбертов, чтобы пускать слюни от недосформированных прелестей. Хочешь красиво – поехали с нами в конце отдыха в Ригу. Снимем апартаменты в «Латвии», возьмем достойных блядей – будет красиво, как в «Ночных грезах Далласа».

Раздолбай не понял, о каких «гумбертах» идет речь, но ему стало совершенно ясно, что Мартин врет и хочет казаться опытнее, чем он есть. Такой вывод он сделал, услышав про «Ночные грезы Далласа».

В девятом классе у Маряги появился видеомагнитофон. Иногда он приглашал к себе небольшую компанию, брал со всех по три рубля и показывал фильмы, которые затмевали все виденное раньше в кинотеатрах. Даже «Пираты XX века» и «Спасите Конкорд», которые Раздолбай смотрел по три раза, померкли перед похождениями Рембо, Бондианой и кровавым буйством обожженного Фредди Крюгера. Однажды Маряга потребовал с гостей двойную плату и таинственно сказал, что покажет такое, перед чем померкнет и Фредди Крюгер. Для чего-то он включил в комнате свет, хотя был солнечный день, и предупредил, что если вдруг люстра погаснет, то он будет выбрасывать видеомагнитофон в окно.

– Менты вламываются иногда, выкручивают перед этим пробки, чтобы кассету не могли достать и можно было узнать, что смотрели, – пояснил он.

– Прикол будет, если ты выкинешь видак, а это всего лишь пробки выбило! – посмеялся тогда Раздолбай.

– Прикол будет, если я не выкину, и за это посадят, – серьезно ответил Маряга и включил «Ночные грезы Далласа».

Начало фильма не впечатляло. Двое мужчин долго ехали куда-то на спортивной машине, болтая ни о чем, и приехали во двор засаженного цветами особняка. Навстречу им вышли две женщины в вечерних платьях. Смотреть стало интереснее. Женщины были красивыми, и от них веяло чем-то необычным – таким, чего никогда не было в обычных актрисах. Мужчины и женщины поднялись на второй этаж, взяли по бокалу вина и опять стали говорить ни о чем.

– Можешь эту тягомотину сразу в окно выкинуть, без милиции, – снова пошутил Раздолбай.

Маряга хмыкнул и перемотал кассету вперед. Когда он повторно включил воспроизведение, Раздолбаю показалось, что его хлестнули по глазам плеткой. Зрелище было настолько невероятным, отталкивающим и волнующим одновременно, что он буквально подпрыгнул на диванной подушке, издав нечленораздельное «облнихусе». А в следующую секунду резкий дверной звонок заставил подпрыгнуть уже Марягу. Он метнулся к аппаратуре и вырвал кассету из магнитофонного зева раньше, чем успел сработать механизм выброса. Магнитофон

вцепился в пленку, как собака, у которой попытались отнять кость, и потащил ее, словно жилы. Видеокассеты были на вес золота. С ними обращались бережно, словно с хронометрами, и удивительно было видеть, с какой яростью Маряга выдергивал пленку из магнитофонной пасти и как бесцеремонно запихивал потом размочаленный ленточно-пластмассовый ком в китайскую напольную вазу. Звонок повторился. Маряга вставил в магнитофон лежавших наготове «Тома и Джерри» и открыл дверь отцу, который вернулся с работы раньше времени. «Ночные грезы» так и остались покоиться в китайской вазе. Вытряхнуть кассету наружу было невозможно, потому что она оказалась шире горлышка вазы, и Маряга не раз потом удивлял этим чудом гостей, вспоминая историю про старушку, которая во время пожара вынесла с четвертого этажа трехстворчатый шкаф.

Зрелище, хлестнувшее Раздолбая по глазам, долго не отпускало его. Снова и снова перед его мысленным взором прокручивались раскрытые губы и черные чулки, снова и снова звучал в ушах томный выкрик «тоге». Его жгла мечта испытать что-нибудь подобное самому, но он с грустью понимал, что такого, как в «Ночных грезях», у него никогда не будет. В мире, где они живут, нет открытых спортивных машин и особняков в цветах, нет таких красивых женщин, которые ждут гостей с бокалом вина в руке и черными чулками под вечерним платьем. Все это – иллюзия кино, вроде походов Рембо или робота-убийцы из будущего. И вдруг Мартин на полном серьезе заявляет: «Поедем и устроим так, как в “Ночных грезях Далласа”». Да это все равно что сказать: «Смастерим себе ножи на пальцах и зарежем кого-нибудь во сне, как Фредди Крюгер!»

– Можно подумать, ты так уже делал, – насмешливо уточнил Раздолбай.

– Делал, конечно, – спокойно ответил Мартин.

– Как в «Ночных грезях Далласа»?

– Слушай, я вижу в твоём взгляде дикое желание поймать меня на вранье, хотя я не хвастался перед тобой похождениями, а пригласил участвовать. Захочешь, у тебя тоже так будет.

– Ладно, поедете грезить в Далласе, я с вами, – усмехнулся Раздолбай. Вранье Мартина казалось ему очевидным, но выводить его на чистую воду он не хотел, чтобы не портить дружбу.

– А почему все надо сводить к банальному пореву за бабки? – вмешался Валера. – Прежде чем завалить из двух стволов привязанного к дереву кабана, всегда приятно побродить с ружьишком по лесу. Кроме твоей семнадцатилетней пассии там еще есть телки?

Желая поразить Мартина с Валерой красотой Дианы и поквитаться таким образом за насмешливое отношение к своим чувствам, Раздолбай пообещал устроить им в ближайшие дни случайную встречу с Мишиной компанией где-нибудь на пляже.

– Только учтите – чужих они к себе не принимают и не вздумайте западать на Диану – она моя, – предупредил он.

– Ну, это мы поглядим, старичок, – усмехнулся Валера и озорно подмигнул.

Раздолбай хотел возмутиться и напомнить Валере песню про друга, который «уйдет с дороги, таков закон», но тут раздался громкий стук в дверь.

– Четвертый час! У вас сауна до двух, вы что там себе думаете?! – послышался голос администраторши.

– Обслуга охамела. Надо лечить, – сказал Мартин, плотнее запахиваясь в простыню, и громко крикнул: – Заходите смело, здесь все одетые! Зачем из-за двери кричать?!

– Вы что себе позволяете, на полтора часа баню задерживаете! – закричала администраторша, вваливаясь в помещение бассейна.

– А почему вы позволяете себе повышать голос на представителей сената? – невозмутимо поинтересовался Мартин.

– Какого сената? Что ты мне тут рассказываешь?

– Римского сената. И будьте любезны на «вы».

– Молоко еще не обсохло на «вы» с тобой разговаривать. Выметайтесь по-быстрому и доплачивайте семь рублей.

– Ладно, пойдем, – пробурчал Валера, но Мартин решил иначе. Он свил в кольцо гирлянду пластмассовых цветов, водрузил получившийся веночек на голову и вскарабкался на стол, перебросив край белой простыни через плечо на манер тоги.

– Не узнаешь Октавиана Августа? – строго спросил он администраторшу.

– Что за безобразия?

– А так?

Мартин сбросил простыню на пол и застыл в позе статуи. Валера прыснул со смеху, а перед глазами Раздолбая замелькали картинки скандала с участием грозных отставников в фуражках. Но администраторша потеряла дар речи. Шлепнув губами, словно выброшенная на берег рыба, она попятилась к выходу.

– Приготовьте жалобную книгу! Спущусь к вам через час, оставлю запись о хамском поведении в отношении гостей! – крикнул ей вдогонку Мартин, сходя со стола царственно, словно с пьедестала. – Плебс охренел совсем. Надо строить, иначе по-западному даже в номенклатурных пансионатах не будет.

– Ладно, Март, не перегибай, – сказал Валера, – я понимаю, что количество шампанского перешло в качество и ты ощущаешь себя диким патрицием, но не надо вот этого – плебс-шмебс.

– Я корректно ответил на открытое хамство и даже не сказал коронную фразу «ты у меня потолчешься в приемной». В чем дело?

– Ладно, проехали.

– Ты что, дико правильный и тебя коробит так называемое пренебрежение к людям?

– Может быть.

– А ты вспомни наши этические дилеммы в купе. Представь, что мы потерпели крушение и сидим в спасательной шлюпке, а эта туша лезет в нее из воды, грозя нас перевернуть. Думаю, ты первый выкажешь ей пренебрежение, дико огрев по башке веслом. Или не так?

– Мы не в шлюпке.

– Вот это и есть главный секрет твоего отношения к людям – напяливание на себя лицемерных приличий, которые слетят при первой реальной опасности. Если я не боюсь дико посылать эти приличия в жопу в обычной жизни, а ты боишься, то не надо завидовать мне и пытаться порицать с мнимых гуманистических позиций, маскируя на самом деле свою ущербность.

– Да какую ущербность?!

– Стыд за постоянное лицемерие, от которого ты не можешь избавиться из страха стать парией.

– Конечно, куда нам до вас – патрициев. Все, Октавиан, брейк. А то перейду сейчас от этических дилемм к жесткому физическому воздействию, и посмотрим, кто станет ущербным, а кто нет.

– Готовность набить морду человеку, пригласившему тебя на халяву в номенклатурный пансионат, выдает в тебе натуру, стоящую выше условностей, и за это я тебя дико люблю. Мир!

Мартин чокнулся с Валерой остатками шампанского, выпил и величественно направился в парную. Валера стал сосредоточенно собирать в пакет пластмассовые стаканчики и прочий мусор, а Раздолбай, почувствовав, что в дружбе его новых приятелей образовалась трещина, решил не обременять их своим присутствием и заспешил в «компики». Расстались на том, что он устроит Валере и Мартину случайную встречу с компанией Миши и познакомит их с девушками.

На обратном пути Раздолбая сокрушала растерянность. Он ехал в гости к новым друзьям, чувствуя себя взрослым и наслаждаясь «своей» жизнью, а уезжал от них раздавленный чув-

ством неопытности. Так ощущал бы себя жонглер, привыкший управляться с тремя шарами и вдруг взявший в руки пять мячей и два обруча. Раздолбай вынужден был признать, что не может общаться с новыми друзьями на равных – строить витиеватые фразы с мудреными терминами и цитатами, свободно говорить о девушках... А главное, он совершенно потерял ориентиры, что есть хорошо, а что плохо!

Дилеммы Мартина снова крутились у него в голове. Он не мог поверить, что новый приятель прав и доброе отношение людей друг к другу, которое Раздолбай всегда считал нормой, на самом деле всего лишь притворство, сохраняемое до поры до времени. Но даже сегодняшний опыт показывал, что это именно так. Ему казалось, что Валера относится к нему по-дружески, и на просьбу не посягать на Диану он ожидал простого товарищеского ответа: «Конечно, о чем речь!» Вместо этого Валера ехидно улыбнулся и сказал «поглядим». А что бы он сделал, если бы Раздолбай пытался залезть к нему в шлюпку? Потеснился бы, вспомнив дружбу, или врезал веслом? А сам Раздолбай, если бы сидел в такой шлюпке, смог бы ударить Валеру? Или протянул бы руку, чтобы перевернуться с ним вместе – утонуть, зато с чистой совестью?

Эти вопросы разрывали Раздолбаю голову. Он вдруг понял, что жил раньше в тепличном детском мирке с плакатиками «Айрон Мейден» на стенах, а теперь взрослая жизнь будет сталкивать его с разными людьми, и когда-то придется решать «этические дилеммы» не в сауне под шампанское, а на самом деле – по-настоящему делать выбор, бить кого-то веслом или тонуть вместе с лодкой. Как он поступит? По принципу «умри ты сегодня, а я завтра», как говорил Валера? Но тогда Мартин прав! Честнее сразу отбросить лицемерные приличия, не притворяясь перед собой. Зачем удерживаться от маленького зла, зная, что способен совершить большее?

Поймав себя на том, что он опять заикливается на мыслях, которые не давали ему заснуть в поезде, Раздолбай попытался избавиться от них испытанным способом – снова стал убеждать себя, что это всего-навсего игры для ума, и никакие «этические дилеммы» в реальности ему не грозят – прожил ведь он до девятнадцати лет без неразрешимых выборов, проживет как-нибудь и дальше. Смятение улеглось. Беспокойный вопрос «А если?!» вздымал еще некоторое время со дна души илистые облака тревоги, но когда он подошел к своему номеру и увидел, кто стучит в его дверь, волна ликования вмиг прогнала мысленную муть. К нему в комнату стучалась Диана.

– Стучи громче, может, он спит, – посоветовал Раздолбай, стараясь быть остроумным.

– Ой, привет! – растерянно засмеялась Диана. – Миша вчера обещал, что за тобой кто-нибудь зайдет. Никого кроме меня не нашлось – все заняты.

– Я рад, что это ты.

Он заглянул Диане в глаза, стараясь понять, отзовется ли его намек заинтересованным взглядом. В зеленом миндале Дианиных глаз мелькнула досада. «Я ей не нравлюсь!» – отчаянно подумал Раздолбай. Он собрал в кулак весь запас имевшегося остроумия и гвоздил этим кулаком Диану всю дорогу до Мишиного дома в надежде высечь из нее хоть одну искру встречной симпатии. Она оставалась доброжелательной, но отстраненной: смеялась, охотно рассказывала про компанию Миши и про свою роль в его вампирском фильме, но смотрела на Раздолбая так, словно он был стеклянным, и кусты за его прозрачным телом были интереснее, чем его персону. Проводив его до маленького двухэтажного домика на одной из юрмальских улиц, она объяснила, почему не сможет присоединиться к компании.

– Я буду играть в школьном концерте первого сентября, надо подготовиться, а пианино у меня здесь совершенно расстроенное.

– Если ты сейчас уедешь, я буду еще расстроена, чем твое пианино, – снова намекнул Раздолбай на свою влюбленность.

– Это зря, я тогда ничего не смогу на тебе сыграть, – промяукала Диана и уплыла по узкой асфальтовой дорожке в сторону железнодорожной станции.

Он проводил ее тянущимся, как жвачка, взглядом и спросил себя, можно ли истолковать ее прощальные слова в свою пользу? Решив, что очень даже можно, воспрянул духом и бодро толкнул железную калитку, ведущую во двор Мишиного дома.

«Надо стать в этой компании своим, – настраивался он, – иначе с ней не сблизиться».

Миша встретил его со скрипкой и смычком.

– Привет! – оживленно приветствовал он Раздолбая, крепко пожимая его руку. – Ты извини, Диана рано тебя привела, мне еще надо позаниматься часок.

– Так уже почти шесть.

– Ну да, я обычно до шести занимаюсь, но сегодня чуть дольше придется – надо финал концерта Брамса добить.

– Может на фиг Брамса?

– Нет, нельзя, – мягко, словно оправдываясь, сказал Миша, но за этой мягкостью послышалась давняя непоколебимая привычка пресекать любые попытки посягать на свое дело.

Только теперь до Раздолбая дошло, откуда взялась большая бурая мозоль на Мишиной шее. Сначала он принял ее за кожную болезнь или поджившую ссадину, но теперь понимал, что это именно мозоль от бесконечного прикладывания к одному и тому же месту тыльной стороны инструмента.

«Сколько же часов надо прижимать к шее хрупкую деревяшку, чтобы образовался такой рубец? – уважительно подумал Раздолбай. – Сколько раз приходилось говорить «нет, нельзя» в ответ на бесчисленные соблазны сходить в кино, погонять в футбол, посмотреть телик?»

Его всегда восхищали в людях качества, которых у него не было, но которые он хотел бы иметь. Способность целенаправленно достигать чего-то была главным из этих качеств. К своим девятнадцати годам Раздолбай не мог назвать ни одного дела, которым занимался бы достаточно долго, чтобы достичь результатов. Единственным делом, в котором он относительно преуспел, можно было считать рисование, и только благодаря этому занятию он не считал себя полным неудачником и не впадал в самобичевание. Но рисунки получались легко, не требуя постоянных усилий, и ни один из них не отнял у него больше нескольких часов необременительного труда. Он забросил бы и рисование тоже, если пришлось бы создавать большую картину, требующую долгой возни.

«Интересно, смог бы я, как Миша, рисовать каждый день с утра до вечера? – подумал Раздолбай, когда со второго этажа Мишиного дома стали раздаваться скрипичные трели. – И как бы я рисовал, потратив на это столько же сил и лет?»

Миша снова и снова повторял у себя в комнате один и тот же пассаж, и даже неискушенный в музыке Раздолбай слышал, что это не просто механическое разучивание, а поиск наиболее точного исполнения. Мысленно приложив это упорство к собственному занятию, он представил, как часами стирал бы и восстанавливал какую-нибудь деталь в карандашном эскизе, и содрогнулся.

«А ведь Диана тоже музыкант, – вспомнил он. – Учится в музыкальной школе, занимается каждый день на фортепиано, почти как Миша. Специально поехала из Юрмалы в Ригу, чтобы провести вечер не в веселой компании, а за инструментом».

Впервые в жизни он ощутил что-то вроде преклонения перед своими сверстниками. Дядя Володя часто пенял ему на отсутствие трудолюбия, но кроме самого отчима, пропадавшего на работе сутками, перед глазами Раздолбая примеров не было. Школьные друзья так же, как он, мучились с учебой и искали «своей жизни» – гуляния, рок-музыки, приятного общения. Конечно, все понимали, что в далекой взрослой жизни их ждет работа, но на то и взрослая жизнь, чтобы в ней кончилось все хорошее. Само слово «трудолюбие» казалось дурацким. Как можно любить то, что мешает отдыху и приятному общению, не понимал никто из приятелей. И вот появился друг, трудолюбие которого было наглядным – сорок минут подряд из окна второго этажа доносилась одна и та же скрипичная трель. И любимая девушка уехала, чтобы весь

вечер сидеть за клавишами. Раздолбая захлестнуло чувство никчемности. Он вдруг подумал, что если не обременит себя хоть чуть-чуть какими-то регулярными занятиями, то не сможет общаться с Мишей и Дианой на равных.

«Попробую каждое утро рисовать, – решил он. – Сяду на балконе, возьму пивка... Нет, без пивка! Сяду на пару часов, набросаю какие-нибудь эскизы. Они будут заниматься музыкой, я буду честно говорить, что рисую, и будем на одном уровне».

– Салют! – послышался знакомый голос, и из-за высоких кустов белых роз, которыми был плотно засажен участок перед Мишиным домом, появился Андрей. – Что там, лауреат хреначит еще?

– Брамса добивает.

– Какой Брамс? Бузить пора! Морооооз!

Недовольный Миша выглянул из окна.

– Еще минут двадцать!

– Какие двадцать минут, ты задолбал! Дианы нет, снимать некого – рижскую бузу делать надо. Добивай Брамса по-быстрому, вот так – брамс, брамс, и пошли. Все на море ждут.

– Сейчас! Посидите пока.

Миша снова исчез у себя в комнате, и скрипичные трели возобновились.

– Бесплезняк, – сказал Андрей, присаживаясь рядом с Раздолбаем на садовую лавку, – пока сам не закончит, хрен вытащишь.

– Рижская буза – это как? – спросил Раздолбай, чтобы поддержать разговор.

– Рижская буза – круто! – хохотнул Андрей. – Сейчас он выйдет с камерой – увидишь.

«Рижской бузой» оказалось развлечение, которому вся компания предавалась, когда по каким-то причинам невозможно было продолжать съемки фильма. Суть состояла в том, чтобы разыгрывать случайных прохожих и снимать это на камеру. В прошлую «бузу» Андрея нарядили в женское платье и поставили на дороге ловить машину. А еще раньше спрашивали у людей, как они относятся к отделению Латвии от СССР. Увидев настоящую камеру, прохожие начинали на полном серьезе давать интервью, не смущаясь ни юным возрастом «корреспондента», ни тем, что неподалеку стоит хихикающая компания. В этот раз идей для бузы ни у кого не было.

– Может, еще раз Андрея телкой нарядим, – предлагал Барсук. – Ему шли сиськи из яблоч.

– Второй раз тупо.

– А если «купи кирпич»?

– Тупо совсем.

Раздолбай смекнул, что настал его звездный час.

– Пошли по улице, – сказал он. – Включайте камеру, будем записывать обращение в защиту африканских страусов.

Жители Юрмалы были доверчивыми людьми, а видеокамера настраивала их на серьезный лад.

– Понимаете, в Африке много шоссежных дорог строят, – проникновенно говорил Раздолбай прохожим, – страусы пугаются грузовиков, по привычке прячут голову в песок, а там асфальт. В результате – разбивают головы. Что вы по этому поводу думаете?

– Жалко птиц! – отвечали прохожие. – Асфальтовые дороги ограждать надо, чтобы страусы там не бегали.

– А защитными касками нужно их снабжать, как думаете?

– Кого?

– Страусов. Маленькими такими касочками.

– Ну, если поможет, касочками тоже можно. Это и дешевле, наверное, чем шоссе ограждать.

– Можете обратиться от имени жителей Латвии к африканскому правительству с требованием снабдить такими касками всех страусов?

– Ну, если это поможет, давайте, конечно.

Рижская компания валялась на траве от хохота, слушая, как жители Латвии требуют обеспечить страусов касочками, а Раздолбай мгновенно завоевал репутацию «лучшего бузотера». Довершив дело сольным вечером анекдотов, он окончательно стал своим и получил законное право приходить к Мише без особого приглашения. С этого дня он мог находиться рядом с Дианой каждый вечер.

Глава шестая

Две недели в Юрмале пролетели, словно день в увеселительном парке. После завтрака Раздолбай час сидел на балконе с карандашом и бумагой, делая сам перед собой вид, что рисует, днем веселился в гостях у Мартина и Валеры, а вечером встречался с рижской компанией, чтобы наслаждаться созерцанием Дианы. Двинуться дальше созерцания Раздолбай не мог. Он никогда не ухаживал за девушками, не умел добиваться расположения и даже не мог определить, какая у него в отношении Дианы цель. Конечно, он хотел от нее взаимности, но как эта взаимность может быть выражена, было вне его представления. Он общался с Дианой в гвалте большой компании, посылая иногда намеки, полные «тайного смысла», любовался ею украдкой и следил за ней краем глаза, подсчитывая, сколько раз она бросит взгляд в его сторону. О том, чтобы побыть с ней наедине, он даже не помышлял. Пределом его мечтаний была возможность проводить Диану поздним вечером до ее дачи, когда вся компания расходилась по домам, но это право, еще до появления Раздолбая, прочно закрепил за собой Андрей. И хотя он не называл Диану своей девушкой и никто не видел, чтобы они хоть раз обнялись или поцеловались, их считали парой, и Раздолбай прекрасно понимал, что попытка между ними втиснуться обречена на провал.

Мартин и Валера в компании Миши так и не появились. Приехав к ним в третий раз, Раздолбай застал их в компании двух девушек из соседнего пансионата и еще раз подумал, что опытность его номенклатурных друзей скорее всего напускная. По его оценке, наслаждаться обществом пары таких коряг мог только Робинзон в день возвращения с острова, а Мартин и Валера воодушевленно жонглировали остроумием и вели себя так, словно бьются за внимание первых красавиц.

– Да-а, голод не тетка, – ехидно сказал Раздолбай, когда коряги отправились восвояси. – Случайное знакомство с моей тусовкой когда будем устраивать? Посмотрите хоть на телок нормальных.

– Телки для порки и телки для общения – два разных стада, – вальяжно отозвался Мартин. – В твоём птичнике по-любому никто не даст и не оценит уровень предлагаемой беседы. А это были зрелые номенклатурные девицы с филфака, которые втыкают в веселый трюндеж и дико от него тащатся. Нормальные телки будут у нас тридцатого, когда я закажу в «Латвии» апартаменты. Едешь с нами «грезить в Далласе»?

– Конечно, договорились уже! – усмехнулся Раздолбай, по-прежнему не воспринимая слова Мартина всерьез.

Зрелые филфаковские девицы повадились приходиться каждый день, и одна из них, походившая фигурой на метательницу ядра, стала кидать на Валеру слишком долгие взгляды.

– Мартин, завязывай приглашать их, – ультимативно потребовал Валера. – А то хиханьки-хаханьки, но так ведь и в объятиях медведицы очутиться недолго.

– Ты ни фига не король – не отвечаешь за тех, кого дико приручил, и не знаешь Достоевского, – ответил Мартин.

– Достоевский-то здесь при чем?

– А при том, что это ведь тоже женщина и даже дико пикантная.

На словах «дико пикантная» Мартин разразился гомерическим хохотом и долго не мог успокоиться. Филфаковских девиц он продолжал принимать с удивительным радушием и даже пригласил их в лучший юрмальский ресторан. Там, после двух бутылок «Сибирской крепенькой» и медленного танца под песню «Яблоки на снегу», шансы Валеры попасть в объятия медведицы стали пугающе реальными, и под предлогом подышать воздухом он предательски дезертировал. Мартин остался с девицами один, после ужина проводил их в родные пенаты и был приглашен в номер попить «Бейлис». Что было дальше, осталось в тайне. Наутро Мар-

тин вернулся в скверном настроении, на вопросы не отвечал и только к обеду изрек наконец туманную фразу:

– М-да, я все-таки не Карамазов-старший.

В тот же день отставники в фуражках получили наказ пускать к Покровскому только друга-художника, а всем остальным говорить, что он уехал.

Август подходил к концу. Миша закончил свой вампирский ужастик и, арендовав на вечер единственный в Юрмале видеосалон, устроил премьеру. Конечно, фильм получился любительским, но история молодого бизнесмена, получившего в наследство особняк, где по ночам собираются вампиры, увлекала с первой сцены. Двухэтажный «особняк» Миши мог оставить в наследство разве что стационарный зритель, Андрей в роли бизнесмена и Барсук в роли вампира играли как в школьном спектакле, но интрига раскручивалась, и каждые несколько минут хотелось узнать, что будет дальше. Главным украшением фильма была коварная соблазнительница, королева вампиров – Диана. Красивая, как всамделишная кинозвезда, она исполняла свою роль так, словно где-то училась этому, и когда в кадре была только она, или хотя бы молчали все остальные, фильм даже становился похожим на настоящий. Раздолбай любовался Дианой то на экране телевизора, то в зрительном зале через ряд от себя, и это двойное воздействие распалило его страсть вдвое против прежнего. Чувствуя, что теснящееся в груди чувство разорвет его, если не найдет выхода, он решил выбрать момент и признаться Диане в любви.

После премьеры Миша принимал такие похвалы и поздравления, какие не часто сыпались на него после концертов, но почему-то грустил. Когда все пошли на море, он замедлил шаг и оторвался от компании. Раздолбай пошел рядом с ним. Ему хотелось называть Мишу своим другом, но он считал, что друзьями становятся только после доверительного разговора по душам, и момент для такого разговора показался ему удачным.

– Чего тухлый такой? – подстраиваясь, спросил он.

– Не знаю... Снимали, снимали, и вот – все кончилось. Когда отыграешь концерт, знаешь, что через несколько дней другой концерт будет. А нового фильма, наверное, не будет уже.

– Почему?

– Ну, это вроде развлечение было, но все равно надо было всех завести, на целый месяц увлечь. И я видел, что в последние дни все уже больше «рижской бузы» хотели. Такого куража больше не будет. Хорошее лето было, самое лучшее. Грустно, что кончилось.

– Знал бы ты, как мне грустно, – сказал Раздолбай и без предисловий поведал о своих чувствах к Диане.

Миша удивленно хмыкнул.

– Я, конечно, видел, что она тебе нравится, она всем нравится, но чтоб так терзаться... Неужели настолько влюбился?

– Настолько. Как ты думаешь, Миш, у них серьезно с Андреем? Есть надежда какая-нибудь?

– Какая тебе надежда? Все равно ты в Москву вернешься.

– Ну и что?! – вспыхнул Раздолбай, показывая накал чувств. – Я бы мог иногда приезжать.

– Так влюбился, что из Москвы готов приезжать? Ну, тогда, может быть, надежда есть. Ты не думай, Андрею она не нужна. Ему двадцать два года, а ей семнадцать. Ну, запудрил он ей сейчас мозги, она им увлеклась. Лето кончится, они друг про друга не вспомнят. А тут ты приедешь. Она девочка легкомысленная, у нее голова закружится. Неужели действительно готов приезжать?

– Готов.

– Здорово. Хотя, по-моему, зря. Она девочка, конечно, симпатичная, но таких чувств не стоит, мне кажется. Что-то в ней мещанское есть, низменное. И потом она все равно уедет.

– Куда?

– В Америку или в Лондон. Тут многие собираются уезжать. Родители Дианы уже документы на следующий год готовят.

– Так это через год. Конечно, приезжать надо, а то она следующим летом опять с Андреем будет! – убежденно сказал Раздолбай и задал главный вопрос: – Как думаешь, имеет смысл ей сейчас признаться?

Высказав свое намерение вслух, Раздолбай так испугался, что сердце заколотилось у него в горле, как проглоченный воробышек. Он бы мог спокойно уехать домой, унося в душе теплые воспоминания о приятном чувстве, но теперь, ответь Миша утвердительно, от признания стало бы не отвертеться. Он даже пожалел, что спросил совета, и хотел, чтобы Миша отговорил его.

– Сложно сказать, стоит ли признаваться, – задумчиво ответил Миша. – Если бы ты в Риге жил, наверное, лучше было бы не спешить – пригласил бы ее просто в кино или в театр. Но если ты из другого города к ней приедешь, надо ее как-то подготовить. Знаешь, я бы рискнул. Тридцатого я всех соберу на прощальные шашлыки, гулять будем до утра – там выберешь момент и все скажешь ей. Ответит тебе что-нибудь хорошее – будешь к ней смело ездить, а получится плохо – ну так уедешь домой и забудешь о ней.

Воробышек в горле трепыхнулся и замер, превратившись в неприятный комок страха перед отсроченным, но неизбежным риском. Подобное состояние охватывало Раздолбая однажды в школе, когда двоечники из параллельного класса обещали избить его после уроков. Вспомнив, что страх уменьшился, когда на перемене удалось договориться о заступничестве друзей-старшеклассников, Раздолбай решил и теперь привлечь на свою сторону группу поддержки, попросив Мишу пригласить на прощалку Валеру и Мартина.

– Я не против, но все зависит от того, будет ли с нами в этот день папа, – замаялся Миша. – Если он уйдет – пусть приходят. Если останется, сам понимаешь, к тебе он уже привык, а их не знает совсем.

Мишин папа был знаменитым на весь мир пианистом. Каждый вечер он уходил в концертный зал Дома композиторов, где стоял хороший рояль, и несколько часов занимался. Возвращался он за полночь измотанный и раздраженный, и если к его приходу в доме оставался кто-нибудь из Мишиной компании, то он говорил всего одно слово – «закончили». Это значило, что пора немедленно разбегаться, чтобы маэстро мог подготовиться ко сну. Готовился он долго и засыпал только с берушами и в наглазниках.

Нервический характер Мишиного отца объяснялся удивительным парадоксом – великий пианист люто ненавидел играть на рояле. Это стало делом его жизни под давлением мамы, которая даже подкладывала ему пятилетнему куриные яйца под рояльный стульчик, убеждая, что он «высидивает цыпляток» и поэтому не имеет права вставать. К моменту, когда мама умерла, верить в цыпляток маэстро давно перестал, но менять профессию было уже поздно – слишком хорошо у него получалось, чтобы забросить. Полдня Мишин папа проводил в депрессии, приговаривая «Эх, не по профессии я пошел», потом брал волю в кулак и отправлялся на свою Голгофу. К вечеру он разыгрывался, и искусенные в музыке отдыхающие собирались иногда перед закрытой дверью концертного зала, чтобы восторгаться виртуозным исполнением Бетховена или Рахманинова. Горе им было, если они не успевали уйти и попадались исполнителю на глаза.

Маэстро на дух не переносил посторонних, которыми были все, кого он видел меньше десяти раз в жизни, и, разумеется, Мишины друзья когда-то выводили его из себя. Но постепенно он к ним привык и даже пил иногда вместе со всеми чай. Огромный и грузный, всегда всклокоченный и угрюмый, в редкие дни он превращался в милейшего человека, много шутил, смеялся и рассказывал интересные вещи. Метаморфоза объяснялась просто – в эти редкие дни Мишин папа позволял себе не играть. По случаю прощалки он наверняка устроил бы себе выходной, но и в добром настроении не потерпел бы у себя в гостях двух незнакомцев.

– Скажи мне заранее, если он уйдет, – попросил Раздолбай, убежденный, что присутствие Валеры и Мартина придаст ему храбрости.

В день прощалки воробышки трепыхались у Раздолбая в горле с самого утра. Он представлял, как дождется темноты и приведет Диану к укромной лавочке под раскидистым кустом сирени, что рос на заднем дворе Мишиного дома. Там они сядут рядом, и он скажет, что хочет сообщить ей кое-что важное. Вернее, сначала скажет, а потом они сядут. Или сначала скажет, а потом пригласит к лавочке. Нет, так можно спугнуть. Сначала пригласит, потом скажет, а потом они сядут рядом. Дальше фантазировать становилось совсем страшно, и чтобы дар речи не предал его в последний момент, Раздолбай разучивал свое признание наизусть.

– Диана, тут такое дело... Влюбился я, и не на шутку, в тебя то есть, и, не считая ваши отношения с Андреем серьезными, хотел бы, если так можно выразиться, наставить ему «рога», – снова и снова повторял он, обращаясь к мысленному образу Дианы.

Дальше он предполагал замереть и ждать ответа, от которого его сердце или вознеслось бы к вершинам ликования, или грянулось бы оземь, разлетевшись на черепки. На черепках Раздолбай заранее планировал сплясать танец демонстративного кутежа, чтобы никто не увидел, как он страдает, и именно для этой цели ему нужны были рядом Валера и Мартин.

«Пожалуйста, ну пожалуйста, порепетируйте что-нибудь заковыристое!» – мысленно умолял он Мишиного папу.

Маэстро пришел в Дом композиторов к обеду мрачный, как проигравший картежник. Итальянские антрепренеры пригласили его сыграть в нескольких городах программу Листа, и это значило, что выходные отменялись надолго.

– Не по профессии я пошел, – вздохнул знаменитый пианист, закрываясь в концертном зале, и не успел он горестно склониться над роялем, как Раздолбай помчался в совминовский пансионат за своей «группой поддержки».

Мартин и Валера повели себя в новой компании предупредительно и дружелюбно. Они помогали растапливать угли для шашлыка, нанизывали на шампуры мясо, охотно слушали других и не стремились много говорить сами.

– Отличные чуваки, чего ты их раньше не звал? – удивлялся Андрей.

Когда на столе появились две бутылки «Советского шампанского» и бокалы на тонких ножках, Мартин выдал первую номенклатурную тираду.

– Не советую открывать шампанское так быстро, пусть постоит, – сказал он Барсуку, когда тот принялся откручивать витую проволочку на бутылке. – Эпикурейцы учили, что ни одно удовольствие нельзя получать сразу. Его надо ждать с вожделением, и тогда ты всегда сможешь дико обламывать свое ненасытное эго, склонное к пресыщению, и будешь король.

Барсук, речь которого состояла из простых односложных фраз, застыл на месте.

– Ой, как вы интересно говорите! – воскликнула Диана. – Можно еще раз, я про эго не поняла.

– Обычно я не повторяю дважды, чтобы не тормозить поток жизни, но ради твоей редкой красоты сделаю исключение. Ненасытное эго, склонное к пресыщению, надо дико обламывать, чтобы не терять к удовольствиям вкус.

– Здорово сказано! – искренне восхитилась Диана.

«Кадрится, гад!» – подумал про себя Раздолбай и метнул в Мартина испепеляющий взгляд.

– Кроме того, я советую поменять эти номенклатурные бокалы на пластиковые стаканчики. Судя по выделке, это западные бокалы, и пить из них «Советское шампанское» – вопиющая несовместимость формы и содержания. Конечно, если отбросить излишнюю иррациональность, мы могли бы закрыть на это глаза, но я считаю, что иррациональность отбрасывать нельзя, потому что, уступив себе однажды, мы уступим себе во всем и дико совершенно пролетим.

– О-бал-деть, – тихо сказала Диана.

– Судя по выделке, кто-то откровенно выделяется, – намекнул Раздолбай, продолжая испепелять Мартина взглядом.

– Прости. Если ты считаешь, что мое скромное мерцание грозит затмить чью-то ослепительную яркость, то я готов уйти в тень, – с достоинством ответил Мартин и, отбросив иррациональность, налил в свой западный бокал молдавское вино из пакета.

– Пст-пст, – позвал он за собой Раздолбая, уходя с бокалом в дальний угол сада. – Объект твоего вождения действительно очень красивая девушка, – сказал он, когда Раздолбай проследовал за ним. – И отнюдь не глупа. Редкая аномалия для семнадцати лет.

– Сегодня у нас должно кое-что решиться, – со значением поделился Раздолбай.

– Это хорошо. Желаю тебе насытить свои высокие порывы, потому что потом будем дико предаваться низменному, и, таким образом, тебе выпадает редкий шанс совершенно дико удовлетворить весь спектр чувственности. Сегодня едем покорять Даллас, не забыл?

– Ладно, Мартин, пошутили и хватит.

– Я забронировал на эту ночь апартаменты за семьдесят рублей в сутки и не шучу ни фига. Поедем после этой прощалки в Ригу, возьмем качественных продажных женщин и устроим дикую порку.

Раздолбай смотрел на Мартина с недоверием. Он сам любил в детстве приврать и рассказывать, например, что собирает во дворе автомобиль. Если слушатели были доверчивыми, то Раздолбай смелел и доходил в рассказах до гонок с гаишниками, от которых он уходил на своем автомобиле со скоростью двести. А если автомобиль требовали показать, то он вел скептиков к тайнику, где хранилось несколько деталей с автосвалки, и говорил: «Вот, видите, сколько собрал уже!»

Раздолбай был уверен, что новый приятель блефует, и хотел его на этом поймать.

Когда на двор опустились ультрамариновые сумерки, а пузырьки выпитого шампанского заиграли у всех в крови, в шутках и разговорах появилась фривольность. Все понимали, что никто ни к кому даже не прикоснется, но старались казаться соблазнительными и соблазнительницами, используя любой повод, чтобы намекнуть на свою искушенность. Стоило Авиве вспомнить между делом, что ей понравилось кататься на лошадях, как Андрей томным голосом проворковал:

– О, как я люблю лошадей. Как они теплыми влажными губами берут с ладони сахар.

– У лошадей сухие губы, – возразила Авива.

– У тех, которым давал сахар я, были влажные.

– То есть давать им в губы сахар было намного легче! – рубанул с плеча Валера, сделав намек таким прозрачным, что все вокруг поморщились.

Мартин молча сидел в уголке с бокалом, благодушно поглядывая на всех, словно на детей в песочнице, а Раздолбай боролся с целой стаей воробышков у себя в горле – удачный момент позвать Диану к лавочке под сиренью мог возникнуть в любую секунду.

– Интересно, в сухие губы лошадям сахар дольше давать, чем в мокрые? – дожал тему Андрей.

– Кстати, по поводу «дольше давать»! – восторженно Раздолбай, решив, что пора бы и ему вставить лыко в строку. – Читал я в Москве на вокзале «СПИД-Инфо». Изучаю, значит, статью про технику пролонгации, сверяюсь типа с научными светилами, тут слышу голос: «Зря вы, молодой человек, такой срам читаете». Смотрю, передо мной поп. С бородой, в шапочке, все дела. Зачем, говорит, греховную газету читаешь? О чем вместо вечной жизни думаешь? Я говорю, да вот думаю, что мне представлять, чтобы отдавать оргазм, но теперь знаю – буду представлять вас в этой черной шапочке.

Все рассмеялись. Андрей даже подавился шашлыком. Только Миша бросил на Раздолбая странный взгляд и сказал не столько ему, сколько сам себе:

– Ну, вообще-то это зря.

– Что – зря?

– Зря ты оскорбил священника.

– Да ладно, Миш, пусть знает, что если приставать не к бабкам, а к нормальным людям, то можно быть посланным.

– Вообще-то нормальным людям стоило бы как раз к ним прислушиваться.

– В смысле? – удивился Раздолбай, не веря, что умный серьезный Миша может поддерживать старушечьи суеверия.

– Смысл в том, что наш друг, по-моему, дикий клерикал, – подал вдруг голос Мартин, в глазах которого заблестал проснувшийся интерес. – Я правильно понимаю, что номенклатурная книжка под названием Библия является для тебя авторитетом?

– Слушай, мы пьем-отдыхаем, давай не будем об этом, – отмахнулся Миша.

– Но это же самые интересные темы для общения – бытие, метафизика. Не весь же вечер изображать из себя диких казанов и клеопатр. Я без подколов, мне правда любопытно, чем эта книга отличается для тебя от других мифов?

Миша помолчал, словно подбирая слова, и очень просто ответил:

– Тем, что это не миф.

– А что?

– Я считаю, что все так и было.

Шутки и смех смолкли, и все посмотрели на Мишу, словно он ляпнул неожиданную глупость.

– Какое место ты считаешь исторически достоверным? Про создание человека на шестой день творения или про змея с яблоком? – иронично поинтересовался Мартин.

– Я не хочу это обсуждать.

– Я не собираюсь глумиться над твоей верой, я хочу просто подискутировать и почерпнуть что-то для себя. В Библии, например, сказано, что на третий день была сотворена земля, а на четвертый созданы были на тверди небесной светила и звезды. Тебе не приходило в голову, что эти строчки – прямое доказательство того, что Библия писалась людьми? Будь она Божественным откровением, там как минимум говорилось бы не про небесную твердь, а про какой-нибудь «безбрежный океан небесный». Люди, не имевшие понятия об устройстве вселенной, дико удивлялись бы, как это так, но потом слетали бы в космос и сказали – да, действительно безбрежный океан, Божья книжка не врет. Я уж не говорю о том, что возраст звезд превышает возраст Земли, – это научный факт, и будь номенклатурная Библия в самом деле от издательства «Всевышний и компани», создание звезд полагалось бы ставить хоть на день раньше сотворения земной тверди.

– Ни один человек не объяснит тебе достоверно происхождение космоса – откуда это взялось и как это может быть бесконечным, – нехотя согласился Миша на разговор. – Никто даже не в состоянии эту бесконечность вообразить. И ты хочешь, чтобы людям древности писали про космос? В Ветхом Завете много аллегорий, и я не думаю, что все надо понимать буквально. Когда я говорил, что все так и было, то имел в виду Новый Завет.

– А-а! – понимающе закивал Мартин. – Ты веришь в историю про сына Бога, родившегося от земной девы, который совершил много хороших дел, воскресил мертвого, был предан, принял мученическую смерть и вознесся? Я правильно понимаю?

– Да, я в это верю.

– Отлично! Правда, я говорил про Геракла. Сына бога Зевса и смертной женщины, который освободил из Аида Алкестиду, был предан своей женой, взошел на костер и вознесся на номенклатурный Олимп. Зевс и Геракл тоже были реальными персонажами? Тебе не кажется, что эти мифы собраны из одного конструктора? Только один миф остался в литературном

наследии, а другой насадили мечом Римской империи и заставили в него слепо верить, чтобы держать баранов в повиновении, – вот и вся разница.

– Я ни у кого не в повиновении и не верю слепо. Я не был две тысячи лет назад в Иерусалиме и не видел тех событий своими глазами. Я верю, что было так, не потому, что прочитал об этом, а потому, что сегодня, когда с этим соприкасаюсь, то чувствую, что все это живое и влияет на жизнь.

– Что влияет?

– Евангелие.

– Кабзда вечеринке, – вздохнул Барсук. – Мороза пробило на умняк, можно расходиться.

– Барсук прав, – согласился Миша. – Все отдыхать хотят, Мартин, закроем тему.

– То есть ты отказываешься от шанса просветить заблудшую душу? – не унимался Мартин. – Вдруг, я – сомневающийся грешник, приведенный к тебе, чтобы услышать слова, которые исправят мою жизнь? А ты замыкаешься и стыдишься эти слова сказать. А как же: «Отец мой небесный постыдится тех, кто меня постыдился»?

– Я не стыжусь, просто, по-моему, это не всем интересно.

– Мне очень интересно, – вмешался Раздолбай. Его изумляло, что Миша верит Библии, и он хотел найти какое-нибудь простое объяснение этой странности. Услышать, например, что Библия – хороший талисман и помогает играть концерты.

– Давайте встретимся втроем в Москве, я расскажу все, что знаю, – уклонялся Миша.

– А может быть, никакого «потом» не будет? Может быть, мне суждено дико погибнуть по дороге в Москву, и ты лишаешь мою душу последней возможности склониться в правильную сторону? Я не ерничаю. Я искренне хочу понять некоторые вещи, – настаивал Мартин.

– Хорошо, какие?

– Ты говоришь – Евангелие живое. Что это значит? Ты живешь, как там предписано?

– Стараюсь.

– То есть ты постишься, не ешь скоромного по средам и пятницам?

– Ты путаешь Евангелие и церковный устав. Смысл не в том, чтобы поститься, а в том, чтобы жить по совести и развивать в себе любовь к людям. А пост – это упражнение, помогающее отстраниться от себя и сделать голос совести чуть громче. И да, конечно, я это упражнение использую.

– Украсть – это против совести?

– Конечно!

– Можно я приведу тебе одну ситуацию? Представь, что ты в ней оказался, и скажи, как бы ты поступил. Приглашаю всех. Это интереснее, чем про лошадей с сахаром.

Мартин рассказал про пиджак с деньгами в купе поезда и про бандитов на перроне. Помня свою растерянность при первом столкновении с этой дилеммой, Раздолбай с интересом ждал, как из нее будут выпутываться другие.

– А в чем подвох? – нисколько не растерялся Андрей. – Украсть лучше, чем уехать в холодный морг. Кто-то иначе думает?

– У человека мать умрет. Деньги на операцию были, – напомнил Раздолбай, радуясь, что согласие Андрея на умозрительное воровство как будто очищает от такого же воровства его самого.

– А у меня мать умрет от горя, если меня бандиты убьют. Что мне, чужая мать важнее своей? Я что-то не так отвечаю, есть другие варианты?

– Нет, это самый очевидный ответ, но мне любопытно мнение номенклатурного евангелиста.

Раздолбай с любопытством смотрел на Мишу. В отличие от Андрея он выглядел озадаченным.

– Знаешь, это очень сложная ситуация, – сказал он, подумав. – Очень, очень сложная. Я не знаю, хватило бы у меня сил устоять, но я точно знаю, что не должен был бы красть деньги.

– Я позволю себе усомниться и предположить, что это дикая фарисейская отговорка, за которой ты прячешь страх разрушить свои иллюзии.

– Что здесь фарисейского?

– Выставляя себя праведником у мангала с пивасиком, зная, что в реальности тебе ничто не грозит, – начал заводиться Мартин.

– Ты обрисовал ситуацию, я дал не тот ответ, который ты ждал. Это фарисейство сразу? – распалился в ответ Миша. – Я не праведник и не сказал, что точно не стал бы красть. Это тяжелый выбор. Но я понимал бы, что если Бог привел меня в такую ситуацию, то для того, чтобы испытать. И неправильно провалить экзамен ради отсрочки конца, который все равно неизбежен. Потом придется или остаток жизни вымалывать прощение, или ждать другой подобной ситуации, чтобы пересдать экзамен. Самым правильным было бы уйти в какой-нибудь дальний тамбур и молиться всю дорогу, чтобы Бог дал силы устоять против соблазна и сохранил жизнь. И если бы он счел мою жизнь достойной, то ситуация разрешилась бы сама собой. Бандитов арестовали бы на перроне до моего приезда, или еще что-то. Но как я сказал, много веры и воли надо, чтобы сдать такой экзамен, и я не смею утверждать, что наверняка сдал бы его. Знаю только, что правильнее всего не красть и всю дорогу молиться. А смог бы я сам...

– Типичная для христианства рабская позиция! – перебил Мартин. – Ничего не делай, покорись, молись – Бог все устроит.

– А что еще можно сделать? Ты же не оставил варианта заработать деньги, сыграв в вагоне-ресторане на скрипке! Безвыходная ситуация – условие твоей задачи, а в таких ситуациях молитва не покорность, а самое сильное действие. И молитва – не нытье покорного раба. Чтобы она была услышана, нужно определенным образом жить, а это как раз много сил требует и отнюдь не рабских.

– Кем услышана? – скептически поинтересовался молчавший до этого Валера. – Христом, Аллахом, Кришной? У всех народов были свои боги. Все считали своего бога самым правильным и сносили бошки тем, кто почитал другого. По мне, так самый классный бог – это Один. Знай, руби супостата мечом, а убьют – сразу в Валгаллу. Оооодиин! – заревел Валера. – Можно Одину молиться в тамбуре?

– Ну, Одина точно нет, – неуверенно вмешалась в разговор Диана.

– Ты бы это викингам рассказала, – обрубил Валера и надел на Мишу, который от его простых замечаний растерялся сильнее, чем от дилеммы Мартина. – Все религии – способ подавить естественный страх смерти и убедить себя, что «там что-то есть». Древние турки вождей хоронили вместе с женами, солдатами и оружием, чтобы они, воскреснув, могли этим пользоваться, и верили в это, как ты в Евангелие. В чем разница? Почему Иисус – да, а Один – нет? Почему надо чтить, кого там... Николая Угодника и не чтить Осириса?

– Или Гора, он еще более внушительный парень был. Голова орла – это не шутки, – напомнил Мартин.

– Ну, если мы все к балагану свели, дальше говорить не о чем, – растерялся Миша.

– Никто не балаганит! – заверил Мартин. – Подняли дико интересную тему, хотим докопаться до истины. Ты считаешь истиной Евангелие, но, согласишься, родился бы ты в Иране, ты чтил бы Коран. Родился бы в Индии, считал бы истиной Бхагават Гиту и верил в Кришну. Родился бы при викингах в Норвегии, Валера прав, поклонялся бы Одину и его копьё Гунгнир. Тебе не кажется, что если о каком-то предмете так много субъективных истин, то это говорит об отсутствии объективного предмета?

– Если бы ты родился в Замбии, то жил бы сейчас в лачуге и не вел бы здесь этих разговоров, – парировал Миша с резкостью, которая указывала на желание скорее закончить спор. – Я не знаю, зачем Бог приводит разных людей к разным религиям, может ему так нужно. Может

быть, он привел бы меня в мечеть, если бы ему нужен был еще один мусульманин, не знаю. Я читал и Коран, и Бхагават Гиту, и Евангелие как исторические тексты. Евангелие показалось мне ближе, но я все равно изучал его как литературный памятник. Потом случайно попал в церковь. Не важно как – отдельная история. Наши споры бесполезны, потому что это пустое мудрствование. Евангелие – это практика, и без духа, который есть в церкви, оно молчит, как партитура Баха без скрипки. Чтобы партитура стала музыкой, надо водить по струнам. Чтобы поверить, что Евангелие истинно – надо начать с помощью церкви себя менять, и тогда появятся доказательства. Я это попробовал, и вы можете привести мне сто теоретических доводов, почему это миф, я не смогу согласиться, потому что знаю свои ощущения. Ты не убедишь человека, который втыкал в розетку лампочку и видел, как она светится, что электричества не существует. Можем умничать на эту тему до утра, и все это будут размышления пятилетних детей о физике. Вера – это практика и ощущения, а не споры у мангала.

– Твои ощущения – это религиозный экстаз, на который в церкви все специально рассчитано, – возразил Валера. – Ладан, свечи, пение.

– Я разве говорил про экстаз? Ощущения разные, не всегда приятные, и возникают не только в церкви.

– А про эти номенклатурные ощущения знает комсомольская организация консерватории? – спросил Мартин с напускной строгостью.

– Нет, – смущенно усмехнулся Миша.

– Что, типа дико хитрый колобок, от всех укатился? Тебе рассказать, кому и куда докладывают священники о твоих визитах? Могу даже сказать, на каком этаже расположен отдел, где хранится твое досье.

– Я езжу в церковь в глухой деревне, думаю, там не докладывают. И сейчас это уже все равно, хотя я понимаю, что лет пять назад мог бы стать из-за этого невыездым. Не знаю, хватило бы у меня духа пожертвовать из-за церкви карьерой, но точно знаю – отказался бы от церкви, стал бы очень несчастен.

– Там что, действительно такие пиздатые ощущения? – глумливо поинтересовался Валера.

– Как жить и не жить, – ответил Миша, будто не заметив его тон. – Ладно, хватит об этом.

– Слава Богу! – воскликнул Барсук и театрально перекрестился.

Разлили по бокалам еще одну бутылку шампанского. Андрей и Барсук попытались снова настроить компанию на веселый лад, но Мартин и Валера, хоть и закончили словесный поединок с Мишей, никак не могли успокоиться, словно драчуны, которых оттащили от противника раньше, чем он грохнулся с разбитым носом. Продолжения спора хотелось и Раздолбаю. Сначала Мишино решение дилеммы ему понравилось. Пусть слово «молиться» звучало глупо, Миша опирался на твердую основу, и это внушало уважение. Но основа строилась на том, что где-то наверху есть Сверхсущество, которое слышит обращения и за правильное поведение готово помочь. Если такого существа не было, Мишина позиция оказывалась заблуждением, а верность принципам под угрозой смерти – напрасной жертвой ради этого заблуждения. Ответ на вопрос «Есть ли на свете Бог?» делал его решение или самым верным, или бессмысленным, и после замечаний Валеры и Мартина он, казалось, не смог бы утвердительно ответить на этот вопрос и доказать это. Не имея аргументов, чтобы отстаивать свою правоту, он ссылаясь на какие-то загадочные ощущения, которых никто кроме него не испытывал, и вел себя, как шахматист, сметающий с доски фигуры в ответ на грозящий мат. Только абсолютная убежденность, с которой он говорил, мешала Раздолбаю признать его проигравшим. Он хотел проверить эту убежденность на прочность и, выпив бокал шампанского, поспешил вернуть разговор в прежнее русло, забыв на время о скамейке под кустами сирени.

– Миша, вот ты говоришь, вера – это практика. В чем практика? – спросил он. – Ходить в церковь, свечи ставить?

– Свечки ставить, поклоны бить – все это, по-моему, попытки заработать себе страховку от костлявой, – ответил вместо Миши Валера.

– Практика не в обрядах, а в том, чтобы избавляться от своих духовных изъянов, ориентируясь на внутренний голос, который всегда знает, как правильно поступать, – возразил Миша.

– А слышать голос – не шизофрения? – подала голос Симона, решив поддержать разговор.

– Ну, это не настоящий голос, – спохватился Миша. – Ты слышишь как бы сам себя, но это... не ты. Это как будто другой ты, который гораздо мудрее тебя и знает все правильные ответы. А тебе только надо найти силы его послушаться.

Барсук и Андрей переглянулись. Андрей многозначительно понюхал содержимое шампанской бутылки.

– Хорошо! – обрадовался Раздолбай, плотоядно потеряв руки. – Как твой всезнающий «внутренний голос» решит ситуацию: представь, что ты в шлюпке спасаешься с тонущего корабля с Андреем и Барсуком. Мест больше нет, борта вровень с водой. И тут подплываем мы – я, Валера и Мартин. Хотим залезть к вам, хватаемся за борта. Что ты будешь делать? Отбиваться веслом или тонуть вместе с лодкой?

Не сомневаясь, что загнал Мишу в угол, Раздолбай победно глянул по сторонам, поймал на себе одобрительный взгляд Мартина и вспомнил фразу из фильма про Шарапова и Жеглова: «Вот так! Врежь-ка ему еще, Промокашка!»

– Я предложил бы третий вариант, – ответил Миша, почти не задумываясь. – Сначала вам троим плыть за лодкой, а потом меняться с нами, чтобы плыли мы, а вы отдыхали. Так был бы шанс спастись всем.

Раздолбай опешил. Он помнил свои терзания и считал, что сразу пробьет Мишину убежденность, но услышал ответ, который вынужден был признать самым правильным. Мартин попытался возразить и замялся, не сумев сразу подобрать аргументы.

– Ну, хорошо... ммм... Ладно... Примем твой дико человеколюбивый вариант, – нашелся он наконец. – А тебе не кажется, что, теряя время на то, чтобы меняться местами, ты уменьшишь общие шансы и погубишь всех, вместо того чтобы спасти некоторых? Допустим, не доплывешь в нужное время в точку, через которую проходит рейсовый теплоход.

– Или, наоборот, окажусь на пути этого теплохода благодаря задержкам. Бог скорее поможет тем, кто протягивает ближним руку, а не тем, кто топит их, пытаясь спастись.

– Ты дико подкованный религиозный мракобес! – со смехом воскликнул Мартин. – Прости, что наседаю, но мне правда интересны твои ответы. Твое решение прекрасно, только скажи, ты действительно считаешь его реальным или признаешь, что это прекраснотушный идеализм?

– Я пытался бы предложить этот вариант, – ответил Миша, словно оправдываясь, – но сам, да, сомневаюсь в его реальности. Если бы все были верующие – тогда да, а так... скорее всего – драка.

– Мороз, мы-то в лодке, не забывай! – напомнил Андрей. – Ты бы нам хоть помог отбиться?

– Скорее, пытался бы остановить и убеждал бы принять вариант, о котором сказал.

– Ты чего, дурак, что ли? – возмутился Барсук. – Они бы нас потопили на фиг! Отбиваться надо.

– Зачем?

– Спасаться.

– Какой смысл в таком спасении? Бить и топить людей, чтобы выгадать несколько лет отсрочки, но знать, что на твоей жизни пятно, за которое придется ответить?

– Где? На Страшном суде? – скептически хмыкнул Валера.

– Считай так.

– Вот здесь и зарыт главный вопрос! – воскликнул Мартин. – Суть твоей веры – упование на загробную жизнь, и это имело бы смысл, если бы она действительно существовала. Но я думаю, все получится по словам известного душеведа Вотрена – лица праведников сильно вытянутся, когда Бог отменит им Страшный суд. Не будет ни кущей, ни гурий, ни ангелов с цитрами. Впрочем, и котлов с маслом тоже. Борьба со страхом смерти – единственное назначение религий вообще и христианства в частности, так что легенда о номенклатурном Христе мало чем отличается от баек про лодку Харона. Признай, что вера в его воскресение ничем не отличается от закапывания в могилу оружия и кухонной утвари, отбрось это, и все твои установки про любовь к ближнему посыплутся, потому что исполнять их всегда будет себе в ущерб.

– Зачем отбрасывать то, что является основой? – не согласился Миша.

– Затем, что эта основа ложная! – запальчиво напел на него Мартин. – Я готов поверить, что твой дикий Христос действительно существовал и говорил властям много дерзких вещей, за которые угодил на крест, только вечная жизнь тут совсем ни при чем, потому что это миф. Я понимаю, что ты будешь до последнего держаться за иллюзию воскресения, обещанного твоей любимой книжкой, но тогда вопрос – считаешь ли ты себя достойным воскресения по заданным в этой книжке критериям? Ты ведешь себя, как там предписано?

– Стараюсь, – растерянно ответил Миша, смятый натиском.

– Что значит «стараюсь»? Типичная христианская манера врубать задний ход! Мы, типа, предлагаем соблюдать законы, которые соблюдать невозможно, но будем их соблюдать на полшишечки, а Бог простит по нашей немощи. Ты женат?

– Нет.

– Девственник?

– Слушай, Мартин, ты перегибаешь, по-моему, – вмешался Андрей.

– Я за него волнуюсь. Если он не женат и не девственник, то по законам своей книжки он – блудник и подлежит геенне огненной.

– Мартин, давай ты не будешь меня обличать, – смутился Миша.

– Мне ли тебя обличать?! Моя совесть – половая тряпка. Я просто спрашиваю, была ли у тебя девушка?

– Я не хочу отвечать.

– Почему? Если девственник, не стесняйся – по твоему учению этим гордиться надо. А если ты с кем-то спал, не женился и Евангелие для тебя закон, то ты – блудник, а блудникам воскресение не светит. Согласись с этим, и выпьем за твою погибшую душу.

– Зачем ты ведешь этот разговор? – начал раздражаться Миша. – Чего ты хочешь добиться? Я же вижу, что это не интерес, а желание подловить на чем-то.

– Да, я дико хочу подловить тебя на том, за что ненавижу всех клерикалов, – согласился Мартин. – На лицемерии.

– В чем лицемерие?

– В попытке проповедовать и навязывать людям то, что невозможно в принципе соблюдать, и самим ни фига не исполнять этого. Человек – жестокий зверь, способный ради выгоды на все. Законы и приличия держат его в рамках, но рамки летят к черту, когда решается вопрос крупного ништяка или угрозы жизни. Таковы мы все, и я первый. Я знаю, что сдохну, как все, но не думаю об этом, потому что хочу жить в кайф. Я способен на все ради хорошего куска, который этот кайф обеспечит, и не накручиваю на себя лицемерные покрывала. Но есть другие людишки, которые меня бесят. Они хотят того же, что я, но при этом дико боятся смерти и цепляются за древнюю книжонку, которая обещает им вечную жизнь. Книжонка при этом налагает ограничения, которые никто не может выполнить и не выполняет, но на это есть номенклатурная уловка – Бог, дескать, милосердный, он простит. Что это, как не вопиющее лицемерие?

– Есть люди, которые стараются жить, как там предписано, и живут.

– Вот я и спрашиваю у тебя простую вещь – живешь ли так именно ты? Потому что если ты не девственник, то призыв к евангельским предписаниям звучит в твоих устах лицемерно. Или исполняй сам, или не призывай. Ты спал с женщинами?

В Мишином саду стало неуютно, словно подул холодный ветер и белые розы превратились в черные колючие коряги. Все понимали, что вот-вот могут прозвучать какие-то слова, после которых вечер будет безнадежно испорчен.

– Спал или нет?

– С нами разве заснешь, – попыталась пошутить Диана.

Никто не засмеялся. Миша беспомощно молчал. Раздолбай поставил себя на его место и подумал, что признаться при всех в девственности смог бы только под пистолетным дулом. Да и то бы соврал.

– Мороз, не трахался, так и скажи! – усмехнулся Барсук. – Поедешь со мной в Лиелупе, там отличные безоткатные телки – на раз мужиком станешь. Я тебя звал как-то, но ты на скрипке пиликал.

– Барсук, заткнись! – оборвал Андрей. – Давайте заканчивайте свой тупорылый спор, а то всю прощалку угробите. Разливай!

– А можно мы закончим, когда к чему-то придем? – требовательно попросил Мартин. – Я пришел в гости и имею право на свои полчаса интересного общения. У нас происходит идейный диспут, который меня дико увлек. О чем пойдет разговор, если мы закончим? О телках в Лиелупе и лошадиных губах? Подарите мне еще пять минут, и я заткнусь на весь вечер. Итак, судя по упорному молчанию, с женщинами ты не был. Но тебе около двадцати. Ты дрочишь?

Диана засмеялась. Авива фыркнула и поперхнулась пивом. Миша с укором посмотрел на Раздолбая, как бы спрашивая: «Кого ты привел?», а Раздолбай опять подумал, что в Мартине есть что-то гипнотическое. Как еще было объяснить, что он столько времени гнул свое, не вызывая ни у кого протеста, и даже вогнал в ступор хозяина вечера?

– Чувак, по-моему, ты перестал вписываться, – сказал Андрей, первым очнувшись от гипноза, и деликатно прихватил Мартина за плечо.

– Что я такого спросил? Мы люди, у нас инстинкты. Когда есть с кем, я трахаюсь. Когда не с кем, беру проституток. Когда нет проституток – дрочу. Это нормально, и я не навешиваю на себя «бремен неудобноносимых», чтобы ради мифической вечной жизни от этого отказываться. Не навешиваю, а главное, не предлагаю навесить другим. Но наш друг говорит, что он это на себя навесил. Утверждает, что, следуя великому учению, он не украдет деньги в отчаянной ситуации и не станет биться за место в шлюпке. Я сомневаюсь в его словах, но у меня нет возможности проверить его в экстремальных обстоятельствах. Вместо этого я хочу узнать, насколько он искренен в мелочах, ибо «неверный в малом и в большом неверен». Кто это сказал, Михаил, не помните? В связи с этим один простой вопрос – как насчет малакии? Михаил, вы дрочите?

Андрей потащил Мартина за рукав.

– Все, тебе пора.

– Руки убери от моей рубашки, – строго потребовал Мартин.

– На выход!

– Руки убери, а то я эту рубашку потом неделю стирать буду.

– На выход, я сказал!

Андрей грубо толкнул Мартина.

– Эй, полегче! – вмешался Валера, хватая Андрея за руку.

– Ты тоже руку убери! – огрызнулся Андрей. – А то я свою рубашку потом вообще выкину!

Андрей попытался грубо тащить Мартина, Валера стал удерживать Андрея, и получилось, что Валера и Андрей сцепились друг с другом, а оказавшийся между ними Мартин спокойно стоял, загадочно улыбаясь.

– Валите отсюда оба! – злобно пыхтел Андрей, тщетно пытаясь справиться с более сильным Валерой.

– Не пойду никуда, мне здесь дико по кайфу! – заявил Мартин и, выскользнув из круга сцепленных рук, плюхнулся на скамейку.

– Тебе лучше уйти, – попросил его Миша.

– А где же христианское всепрощение? Где другая щека? Если я ебну тебя по морде, ты простишь меня?

– Он не успеет тебя простить, потому что сейчас ты пойдешь отсюда на хуй! – в бешенстве заорал Андрей и потащил Мартина со скамьи. Валера опять стал его удерживать. Остальные растерянно расступились, не зная, что делать.

– Андрюша, сквернословить не по-христиански, – напомнил Мартин, которого окружающая возня только веселила.

– Мне по хую, я не верующий!

– Михаил, ваш лучший друг – безбожник и сквернослов! Обратите его к святой вере!

– На выход!

– Никуда не пойду.

– Поел, попил? До свидания! – рычал Андрей, силясь поднять Мартина.

– Пил ваше пиво, ел ваши шашлыки и дико ебал вас всех в рот! Вот так я пришел на вашу прощалку! Хо-хо-хо!

Андрей не выдержал и сильно ударил Мартина кулаком в плечо. Валера, не задумываясь, занес кулак, чтобы ударить Андрея, но на его руке повис Миша.

– Перестаньте, хватит! – взвизгнула Диана.

Валера, не раздумывая, схватил Мишу за кисть и резко вывернул.

– Рука! Рука! – отчаянно вскрикнул Миша не столько от боли, сколько от испуга за свои пальцы.

– А ну, вон отсюда! – послышался разгневанный бас.

Все застыли, как будто над садом грянул оглушительный гром. Не замечая извиистой дорожки, прямо по клумбам, раздвигая кусты белых роз, к месту потасовки шагал отец Миши. Взбешенный маэстро был страшен. Его огромная фигура надвигалась как локомотив. Схватив Мартина и Валеру за отвороты рубашек, он волоком потащил их к калитке. Присмиривший Валера, чувствуя неправоту, не сопротивлялся и покорно шел туда, куда вела его мощная длань музыканта. Мартин же повис тряпичной куклой, превратившись в тяжелый груз, и голосил во все горло:

– Вот оно – гостеприимство благочестивых христиан! Хо-хо! Волоком, волоком взашей! И ведь за что? За правду, лицемеры поганые! А если я за правду гоним, то кто блаженнее – гонимый или гонители? Будет мне еще за ваше обличение награда. А если не прав, так, может быть, я заблудился во мраке? И вы душу мою заблудшую не хочешь просвятить, а взашей изгнашь! По вашей вине гореть мне в геенне огненной, так и знайте! Но за такую вашу вину я в кипящей лаве по горло на ваших плечах стоять буду! Хо-хо-хо!

– Пошел вон! – гаркнул Мишин отец.

– Сударь, что за фамильярность! – холодно осведомился Мартин. – Я потомок графского рода и не потерплю, чтобы меня вышвыривали как смерда. За такое на дуэль! Извольте драться на швабрах или на пистолетах с присосками?

Задыхаясь от ярости, Мишин отец буквально вышвырнул Валеру и Мартина за калитку и с грохотом ее захлопнул.

– Ты у меня в приемной потолчешься, – пообещал на прощание Мартин, с достоинством поправляя порванную рубашку, и посмотрел через ограду в глаза Раздолбаю.

Тот прирос к траве, словно за шиворот пустили ежа. Во взгляде Мартина читался простой требовательный вопрос: «Ты с нами?» Неразрешимый выбор, призрак которого пугал Раздолбая с тех пор, как он узнал об «этических дилеммах», встал перед ним в полную силу. Уйти с Мартином и Валерой после того, что они устроили, значило поссориться со всей рижской компанией, не признаться в любви Диане и потерять дружбу Миши. Остаться – значило отдалиться от друзей, с которыми хотелось продолжить общение в Москве, и не принять участие в захватывающем «Далласском» приключении. Даже если Мартин блефовал, обещая «грезы», посмотреть, что из этого выйдет, было интереснее, чем допивать кислые капли испорченной прошалки. В голове Раздолбая замесились два спорящих голоса:

– Останься, или Миша обидится навсегда!

– С кем интереснее дружить – с Мартином и Валерой или с этим правильным музыкантом?

– Мартин и Валера не правы!

– Это не повод терять их.

– Я так и не признался Диане!

– Все равно с ней ничего не получится.

– Как же поступить?

– Поступай, как хочется. Это последний день отдыха, тебе ведь хочется приключения!

Чувствуя себя предателем, Раздолбай едва заметно кивнул Мартину, повернулся к Мише, но сказать: «Я их привел, мне, наверное, лучше уйти с ними», так и не успел.

– Вон отсюда все! – потребовал Мишин отец. – Немедленно!

Возражать маэстро никто не решился. В течение минуты вся компания, потупив взгляды, растворилась в ночи, и никому даже не пришло в голову продолжить посиделки в другом месте. Раздолбай скомкано извинился перед Мишей, затравленно кивнул Диане и поспешил по темной ночной улочке следом за Мартином и Валерой.

Глава седьмая

– Что я дико оскорбительного сказал? – удивлялся Мартин, когда полупустая маршрутка мчала их троих в Ригу по широкой ночной трассе. – Вот я спрошу у тебя, Валера, ты дронишь? Это что, повод выкручивать мне руки и толкать в грудь?

– Мы были в гостях в чужой компании. И на фиг ты устроил на пьянке теологические дебаты, я не понимаю вообще, – раздраженно ответил Валера. – Хочет человек верить в мифы – его право. По-моему, ты конкретно напрашивался и напросился.

– Слушай, спасибо за дикую поддержку!

– А ты ждал, что я буду сокрушаться, какие они твари? Ты был не прав.

– С отцом нехорошо получилось, – добавил от себя Раздолбай. – Он известный пианист, лауреат.

– Зачем напоминать мне это постыдное вышвыривание? – возмутился Мартин. – Таких лауреатов мой прадед велел сечь на конюшне за плохую игру на ужине, а так как упразднения сословных различий я не признаю ни фига, то считаю себя оскорбленным нижестоящим по крови и собираюсь...

– Март, хватит нести бред! – оборвал Валера.

– Ты что, тоже хочешь ссоры, я не пойму?

– Нет. Но я тебя давно знаю и, когда ты несешь бред, я говорю, что ты несешь бред.

– Ну, хорошо, с твоего позволения я дико заткнусь.

Мартин отвернулся и стал сосредоточенно смотреть на мелькающие за окном фонарные столбы, с верхушек которых били в асфальт снопы желто-розового света. Раздолбай не хотелось, чтобы разлад друзей испортил веселое приключение, и он решил отвлечь их внимание на себя.

– Больше всех, между прочим, я пострадал, – начал он. – У меня важный разговор был намечен, должно было кое-что решиться.

– Ничего бы с твоей Дианой не решилось, – перебил Мартин. – Обрушиваться на телку с признаниями, не прощупав ее метасигналами, – верный способ спугнуть.

– Какими сигналами?

– Теми, которыми ты передаешь свое отношение, помимо слов. Например, я говорю Валере, что готов дико заткнуться и якобы уступаю, но по моим интонациям он должен понять, что не прав ни фига он сам. Сейчас мы еще обменяемся многозначительными взглядами и покажем друг другу, что мы – дико доминантные самцы, тщетно пытающиеся подавить один другого на протяжении долгих лет. Ну, давай!

Мартин и Валера посмотрели друг на друга с наигранным высокомерием и захохотали как от веселой, понятной только им двоим, шутки. Разлад был исчерпан, а Раздолбай в очередной раз подумал, что его новые друзья – самые интересные люди, которых он встречал в жизни.

– Ты наверняка выделял Диану из всех, намекал на свою симпатию, – продолжал Мартин. – Для телок эти жесты – смысл жизни, и она все давно поняла. Теперь тебе надо показать, что она не просто нравится тебе, а ты готов ее завоевывать. И показать это без слов.

– Когда это показывать, если у меня обратный билет на завтра?

– Твой номенклатурный билет можно сдать и уехать через день. Послезавтра первое сентября – приди утром к ее школе, встретить ее с цветами. Она покажет ответными сигналами свое отношение. Если будет в восторге – действуй дальше, а если смутится – забудь о ней и бери в оборот новую телку. К слову о метасигналах, я, пожалуй, признаю, что зря задоминировал сегодня твоего скрипача. Завтра подумаю, как это исправить, и прошу меня извинить, если вел себя дико скотски.

Последние слова были подкреплены искренним взглядом, и Раздолбай перестал переживать, что, поехав с Мартином и Валерой, стал как будто соучастником безобразия в гостях у Миши.

К высотной коробке гостиницы «Латвия» в центре Риги они подъехали на волне привычного балагурства. «Своя жизнь!» – восторженно отстукивало сердце Раздолбая, гоня по пружинистому телу счастливую кровь. Мартин забрал у него московский билет и попросил администратора поменять его на день позже. Обмен лишил Раздолбая последней потрепанной пятирублевки, но Мартин легкой рукой одолжил ему пятнадцать рублей, напутствуя, что букет любимой девушке нужно дарить самый шикарный, а если все сложится хорошо, то может понадобится и ресторан.

Скоростной лифт вознес их на предпоследний этаж. Таких номеров, как снял на эту ночь Мартин, Раздолбай никогда не видел и даже не предполагал, что такие бывают. В огромной гостиной с окнами во всю стену могли устроить танцы человек двадцать. Комнату при желании можно было разделить специальной раздвижной ширмой-гармошкой на два равных помещения с раскладными диванами, а за распашными дверями обнаружилась отдельная спальня с широкой двуспальной кроватью.

– Я думаю, никто не будет возражать, что, оплатив номер, я имею право занять номенклатурную спальню безо всяких жребиев на камень-ножницы-бумага и прочей фигни? – уточнил Мартин.

Никто не возражал.

– Тут пластинки есть! – изумился Раздолбай, обнаружив в буфете коллекцию дефицитных дисков. – «Смоуки», «Бони М», Челентано, «Роллинг Стоунз»... Я фигаю, что не утащил никто!

– Близость к Западу благотворно действует на приличия постояльцев, – объяснил феномен Мартин. – Ставь «Бони М», будем дико заливаться вином под «Багаму Маму».

Мартин достал из мини-бара четыре маленьких бутылки вина, а Раздолбай поднял полированную крышку притаившейся в углу радиолы и бережно поставил на резиновый круг пластинку, извлеченную из конверта с фотографией знаменитого черного квартета.

– Малиновки слышав голосок, припомню я забытые свида-анья! – послышалось из динамиков «Ригонды»³.

Раздолбай оторопело взглянул на кружок в центре диска. «ВИА “Верасы”» – было написано черным по красному. Решив, что кто-то перепутал конверты, он стал искать пластинку «Верасов», рассчитывая обнаружить «Бони М» под ее обложкой, но такого диска в буфете не было.

– Прошу тебя, в час розовый... – неслось из радиолы.

– Ты издеваешься дико? – спросил Мартин, разливая вино.

Раздолбай остановил проигрыватель и вытащил пластинку из конверта «Аббы» – в руках у него оказались «Песни Александры Пахмутовой». Вместо «Смоуки» в конверте лежали «Сказки братьев Grimm», под обложкой Челентано скрывался Юрий Антонов, но забавнее всего был диск, прятанный в красочном конверте, «Роллинг Стоунз». Решив повеселить компанию, Раздолбай демонстративно показал, что достает пластинку из обложки «Роллингов» и поставил ее на проигрыватель.

– ...опровергнут один их главных мифов, созданных реформистами-идеологами, – послышалась знакомая шамкающая речь Брежнева. – Обещания создать общество всеобщего благоденствия потерпели очевидный провал. Тяжкое бремя легло на плечи народных масс...

Мартин и Валера захохотали.

---

³ Марка радиолы – устройства, совмещавшего радиоприемник и проигрыватель виниловых дисков.

– Рост дороговизны неумолимо сокращает реальные доходы населения. Усилился идейно-политический кризис в обществе... – невозмутимо продолжал Леонид Ильич. – Разрушены элементарные нормы нравственности...

– Это круто, слушай! – веселился Мартин. – Представь, если бы Брежнева с Джаггером поменяли реально. Мик вышел бы на трибуну съезда и с огоньком задвинул про нормы нравственности.

– А Брежнева вывели бы на сцену под руки, и он сказал бы: «Dear comrades, I can't get no satisfaction»⁴, – развил шутку Валера.

Мартин, Валера и Раздолбай от души посмеялись, голос Брежнева убежденно заявил, что «такое общество не имеет будущего», и потонул в овации. Раздолбай наудачу достал из конверта последнюю пластинку, и к его удивлению, «Арабески» не подменили. Объяснение этому нашлось, стоило перевернуть диск – от края до края тянулась глубокая рваная царапина.

– Есть одна непокоцанная сторона «Арабески» с Midnight Dancer! – радостно сообщил он. – Мы – дикие короли!

– Считаю, что это наш стратегический арсенал, а сейчас надо быстро накатить и идти на дело, – сказал Мартин и загадочно добавил: – Я думаю, всем понятно, что, если мы хотим это делать, по-русски нам говорить нельзя?

– Что делать? – удивился Раздолбай, считая, что они и так уже прекрасно проводят время, веселясь в роскошном номере с четырьмя чекушками вина и половиной хорошей пластинки.

– Телок снимать. Забыл, зачем мы здесь?

Раздолбай недоверчиво усмехнулся, но тут Мартин открыл бумажник и пересчитал несколько бело-зеленых бумажек с портретами посередине и остроугольными цифрами по углам. Это произвело на Раздолбая такой эффект, как если бы они весь вечер шутили, что пойдут грабить кассу, и вдруг Мартин достал настоящий обрез и стал заряжать его патронами. Вмиг стало понятно, что затея осуществляется основательно и всерьез. Доллары Раздолбай видел только в кино и прекрасно знал, что из-за этих денег могут возникнуть неприятности. В восьмом классе дядя Володя дал ему оставшуюся после командировки бумажку в пять финских марок, и он решил найти для нее более достойное применение, чем хранить в коробочке с иностранными монетами, – например, попробовать купить сигареты в интуристовском баре. Не зная, хватит ли пяти марок на пачку, Раздолбай выложил мятую купюру на барную стойку и, заикаясь от неуверенности, спросил бармена: «Скажите, можно у вас на это что-нибудь купить?» Бармен испуганно глянул по сторонам, сгреб бумажку в кассу и заговорщицки прошептал: «Я ничего не видел». Испуг был неподдельным, и поняв, что он совершил оплошность, которая могла повлечь понятий, протокол и людей в сером, Раздолбай вылетел из бара как из перегретой бани. Насколько сильно может нагреться баня за стопку американских долларов, он боялся даже представить и, глядя на Мартина, как на факира, играющего со змеей, почтительно уточнил:

– За это ничего не будет?

– Конечно, будет, поэтому будем косить под диких иностранцев. Немецкий у нас с Валерой свободный, так что будем бундесами из Гамбурга.

– Я только по-английски и не очень... – сконфузился Раздолбай.

– Будешь прибившимся к нам венгром, – успокоил его Валера. – Венгерский все равно не знает никто. Мы между собой по-немецки и по-английски с тобой и с телками.

– Спросят, кто мы и зачем приехали, запомни – представители «Сименса», продаем свободной Латвии Automatisches Melksystem, – напутствовал Мартин Валеру.

– Automatisches Melksystem?! Может, компьютеры?

– Чем беспонтовой, тем убедительнее.

---

⁴ «Дорогие товарищи, я не могу достичь удовлетворения» (англ.). Строчка из хита «Роллинг Стоунз».

– «Автоматише мелксистем» – это что? – спросил Раздолбай, чувствуя себя мальчишкой, которого старшие ребята приняли играть в шпионов.

– Автоматические доильные агрегаты, но тебя это не касается. Ты отбился дико пьяный от группы венгерских туристов, и мы познакомились с тобой в баре «Зилупес». Хлопни бутылку вина до дна, а то у тебя глаза затравленного совка, ты даже на сбросившего оковы социализма венгра не похож ни фига.

Раздолбай залпом допил винную чекушку и заулыбался.

– Теперь нормально, – одобрил Мартин. – Запомни пару фраз: «Ин болдок модер вадек. Сэрэтэм кирандульми».

– Это что такое?

– Не важно, вставляй время от времени. Пошли.

В баре на верхнем этаже гостиницы было многолюдно. Тихая музыка, позвякивание бокалов и разноязычные голоса сливались в приглушенный мягкими коврами шум, приятный для слуха, как легкий морской прибор. Мартин вошел в бар первым, и метрдотель в смокинге, словно копьем, остановил его строгим взглядом.

– Einen Tisch fuer drei, bitte⁵, – сказал Мартин на чистейшем немецком.

– Нихт шпрехен дойч, – заулыбался метрдотель, тут же превращая копьё взгляда в ласковое опахало. – Do you speak English?⁶

– Yes, English no problem, – ответил Мартин с легким немецким акцентом и обратился к Валере: – Diese Balten! Die würden Probleme mit deutschsprachiger Bedienung haben eben falls wir sie besetzt hatten!⁷

– Die sind doch schon seit einem Jahr unabhängig.⁸

– Unabhängig, mein Arsch!⁹

– Сэрэтэм кирандульми! – вставил Раздолбай, чтобы не отставать от друзей и добавил как можно развязнее: – Oh, there's a good table in the corner!¹⁰

Метрдотель проводил их к угловому столику, оставил меню и почтительно удалился.

– Ну, и где телки? – шепотом спросил Раздолбай, озираясь вокруг.

– Psst! Don't speak this barbarian language in this place! – прошипел Мартин: – Don't you see?¹¹

Раздолбай снова посмотрел по сторонам. Он понимал, что они пришли в бар искать проститутку, и ожидал увидеть вульгарных девиц, похожих на героиню фильма «Интердевочка». Не представляя, как можно получать удовольствие от общества таких падших созданий, он сразу решил для себя, что весело поиграет в иностранцев, немножко приобщится к тайнам жизни, а если Мартин и Валера действительно поведут в номер каких-нибудь размалеванных хабалок, то сразу отойдет в сторону, сославшись на любовь к Диане. Разглядывая посетительниц бара, он пытался найти среди них возможных проституток, но видел только симпатичных, красиво одетых молодых женщин без грамма лишней косметики. Некоторые были в вечерних платьях и походили на иностранок.

– Yes, you are staring at them¹², – подсказал Мартин.

– That womans?¹³ – переспросил Раздолбай, забыв от удивления английскую грамматику.

---

⁵ Будьте добры столик на троих, пожалуйста.

⁶ Говорите по-английски?

⁷ Ох, эти прибалты! У них были бы проблемы с немецкоговорящей службой, даже если бы их оккупировали мы!

⁸ Они уже год независимы.

⁹ В жопе их независимость!

¹⁰ О, вон хороший столик в углу!

¹¹ Тссс! Не говори здесь на этом варварском языке. Не видишь что ли?

¹² Да, ты на них пялишься.

¹³ Те женщин? (искаж.)

Он был уверен, что друг ошибается. В ответ на предложение пойти в номер такие девушки могли только врезать пощечину и позвать метрдотеля, который вытолкал бы их из бара в шею. Ему даже захотелось, чтобы так и произошло, – здорово было бы увидеть, как с Мартина слетят манеры всезнающего покровителя.

– Go ahead! Bring them here¹⁴, – подстрекательски сказал Раздолбай.

Мартин встал и направился к бару. Попутно он пытался улыбаться сразу всем девушкам одновременно, но те даже не смотрели в его сторону.

– No chance¹⁵, – шепнул Раздолбай.

Поговорив о чем-то с барменом, Мартин крикнул Валере издали:

– Guenter nehmen wir doch kein Bier, wie die Aasgeier! Nehmen wir Asti Mondoro als Intellektuellen!¹⁶

Сразу несколько посетительниц бара бросили взгляд в его сторону. Мартин устремился обратно и по дороге остановился около двух девушек в вечерних платьях. Что он говорил, слышно не было, но, к удивлению Раздолбая, девушки приветливо заулыбались. Через минуту высокая брюнетка, похожая на цыганку, и симпатичная сероглазая блондинка уже сидели с ними за одним столиком.

– Is English the only language you speak? German? Hungarian?¹⁷ – спрашивал Мартин, разливая по бокалам принесенное официантом шампанское.

– German very little. English and a bit of Italian¹⁸, – с готовностью ответила блондинка.

– My English is small, – пожаловалась брюнетка. – Understand good, speak bad.¹⁹

– Сэрэтэм кирандульми... It is so sad that you don't speak Hungarian!²⁰ – наигранно посетовал Раздолбай.

– Этот молодой наш, что ли? – тихо сказала брюнетка на ухо подруге, и возмущенный Раздолбай, забыв, что должен не понимать по-русски, выпалил:

– No, I am from Hun...²¹

Мартин ткнул его кулаком в бок и уточнил у блондинки:

– What did she say?²²

– Is your friend Russian?²³

– No, Hungarian. We picked him yesterday in «Zilupes» bar. He was drunk like a fish, lost his group.²⁴

– I was not drunk enough to love a fish! Little-little...²⁵ – засмеялся Раздолбай. – Ин болдок модер вадек.

– Мадьяры, мадьяры, вы – братья мои, я с вами – ваш русский брат, – продекламировала блондинка и положила руку Раздолбаю на колено. – This is a poem of my father's friend. Means

---

¹⁴ Ну, давай, приведи их.

¹⁵ Без вариантов.

¹⁶ Гюнтер, не будем пить пиво как жлобы! Закажем «Асти Мондоро», как интеллигентные люди!

¹⁷ Вы только по-английски говорите? Немецкий? Венгерский?

¹⁸ По-немецки чуть-чуть. По-английски и немного по-итальянски.

¹⁹ Мой английский маленький. Хорошо понимать, говорить плохо (*искаж.*).

²⁰ Так жаль, что вы не говорите по-венгерски!

²¹ Нет, я из Вен...

²² Что он сказал?

²³ Ваш приятель русский?

²⁴ Нет, венгр. Подцепили его вчера в баре «Зилупес». Напился, как свинья, отбился от группы.

²⁵ Не настолько я напился, чтобы любить свинью! (Игра слов, построенная на том, что Раздолбай не знает идиоматических выражений.) Чуть-чуть...

that Hungarians and Russian are brothers. My father was a student when he read this in public. He got four years in prison for that, and his friend too.²⁶

– Did they break a copyright or something?²⁷ – удивился Раздолбай, которого от прикосновения легкой теплой руки блондинки затрясло как от электрического провода.

– I guess, she is talking about nineteen fifty six. You don't know your own history. Soviet tanks in Budapest, don't you remember?²⁸ – пояснил Валера.

– Oh, I was born much later!²⁹ – спохватился Раздолбай, так и не поняв, почему кого-то посадили за стихи о народном братстве и при чем тут советские танки. Рука блондинки ввела его в состояние блаженного оцепенения, и это было единственное, что его волновало.

– Спроси, эти немцы «дедероны» или «бээрдоны»? – снова шепнула брюнетка блондинке на ухо.

---

²⁶ Это стихотворение написал друг моего отца. Значит, что венгры и русские – братья. Мой папа был студентом, когда прочитал это стихотворение публично. Получил за это четыре года тюрьмы и его друг тоже.

²⁷ Он что какие-то интеллектуальные права нарушил?

²⁸ Похоже, она говорит про пятьдесят шестой год. Ты не знаешь своей истории. Советские танки в Будапеште, забыл?

²⁹ О, я родился намного позже!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.